КОНСТАНТИН ЛЫСАКОВ ★ АЛЕКСЕЙ ОБРОВЕЦ
МАРИЯ БЕЛЕНЦОВА ★ АЛЕКСАНДРА ЛЫСАКОВА

Адвент

ВРЕМЯ ОЖИДАНИЯ РОЖДЕСТВА

НАДЕЖДА • МИР • РАДОСТЬ • ЛЮБОВЬ

ЧТЕНИЯ, ГОТОВЯЩИЕ СЕРДЦЕ К РОЖДЕСТВУ

МОСКОВСКАЯ БИБЛЕЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ ОСН. В 1992

БЫЛ ИСТИННЫЙ СВЕТ,
КОТОРЫЙ ПРОСВЕЩАЕТ
КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА,
ПРИХОДЯЩЕГО В МИР

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА 1:9

КОНСТАНТИН ЛЫСАКОВ ⋆ АЛЕКСЕЙ ОБРОВЕЦ
МАРИЯ БЕЛЕНЦОВА ⋆ АЛЕКСАНДРА ЛЫСАКОВА

Адвент

ВРЕМЯ ОЖИДАНИЯ РОЖДЕСТВА

НАДЕЖДА • МИР • РАДОСТЬ • ЛЮБОВЬ

ЧТЕНИЯ, ГОТОВЯЩИЕ СЕРДЦЕ К РОЖДЕСТВУ

Подборка Библейских текстов и кратких размышлений – Константин Лысаков, под редакцией Алексея Обровца. Подборка художественных произведений – Мария Беленцова (рассказы и повести) и Александра Лысакова (поэзия)

МОСКОВСКАЯ БИБЛЕЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ ОСН. В 1992

СОДЕРЖАНИЕ:

ВСТУПЛЕНИЕ 6

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ – НЕДЕЛЯ НАДЕЖДЫ 8

День первый: 10
День второй: 12
Семён Надсон «*Есть страны, где люди от века не знают...*» 14
День третий: 16
День четвёрый: 18
Афанасий Фет «*Явление ангелов пастырям*» 21
День пятый: 22
День шестой: 24
День седьмой: 26
Повод задуматься о вечном 28
Евгений Поселянин «*Николка*» 30

ВТОРАЯ НЕДЕЛЯ – НЕДЕЛЯ МИРА 36

День восьмой: 38
День девятый: 40
Лев Мей «*То были времена чудес...*» 42
День десятый: 44
День одиннадцатый : 46
Владимир Набоков «*Рождество*» 49
День двенадцатый: 50
День тринадцатый: 52
День четырнадцатый: 54
Повод задуматься о вечном 56
Николай Лесков «Христос в гостях у мужика» 58

СОДЕРЖАНИЕ:

ТРЕТЬЯ НЕДЕЛЯ – НЕДЕЛЯ РАДОСТИ 68

День пятнадцатый: 70
День шестнадцатый: 72
Константин Бальмонт «*Одна есть в мире красота...*» 74
День семнадцатый: 76
День восемнадцатый: 78
Александр Блок «*Был вечер поздний и багровый*» 81
День девятнадцатый: 82
День двадцатый: 84
День двадцатьпервый: 86
Повод задуматься о вечном 88
Саша Чёрный «Рождественский ангел» 90

ЧЕТВЁРТАЯ НЕДЕЛЯ – НЕДЕЛЯ ЛЮБВИ 94

День двадцатьвторой: 96
День двадцатьтретий: 98
Афанасий Фет «*Ночь тиха*» 100
День двадцатьчетвёртый: 102
День двадцатьпятый: 104
Иосиф Бродский «*Рождественская звезда*» 107
День двадцатьшестой: 108
День двадцатьседьмой: 110
День двадцатьвосьмой: 112
Ганс Христиан Андерсон «Снежная королева» 114

КАК В СУЕТЕ ПОДГОТОВКИ К ПРАЗДНИКУ НЕ УПУСТИТЬ ЕГО СУТЬ?

У всех нас, наверное, были такие Рождество или Новый год, когда, закрутившись с делами дома или на работе, мы вдруг понимали, что совершенно не готовы к празднику: нет подарков, стол не накрыт, закончились огурчики и майонез, а так хочется Оливье! Мы в последний момент присоединялись к толпам себе подобных и сметали последнее с полок магазинов в надежде хоть как-то приготовиться к встрече праздника. Помните это чувство суеты из-за которого и праздник как-то теряет свою притягательность? Каждый год мы тратим огромное количество усилий и средств на подготовку к Рождеству или Новому году, но мы практически не уделяем времени тому, чтобы приготовить свои сердца. И Адвент – несколько недель до Рождества – именно такое время! Церковь начинает праздновать рождение Спасителя заранее, чтобы успеть духовно и эмоционально приготовиться к встрече Рождества и ко Второму пришествию Иисуса Христа.

Более двух тысяч лет назад Сам Творец пришёл в этот мир, став Младенцем Христом. Своей жизнью, смертью и воскресением Он преодолел бездну, что отделяла непослушных детей от Небесного Отца. Это духовное отлучение от Бога ощущает каждый. Мы потеряли себя и никак не можем найти. Мы ищем себя в отношениях, работе или карьере, надеясь, что успех или любовь смогут подарить нам счастье, которое всё никак не приходит. Мы переживаем тысячи смертей разочарования каждый день задолго до того, как окончится наш земной путь. А Иисус говорит: «*Я пришёл, чтобы вы имели жизнь и притом в избытке*» (см. Иоанна 10:10). То есть не просто выживали, но дышали полной грудью, наслаждаясь жизнью, наполненной глубоким духовным смыслом. Ок, теория ясна, но как на практике пришествие Христа может изменить мою жизнь? Рождественская история даст нашей надежде крепкое основание, сделает радость центром нашей жизни, наполнит сердца миром даже посреди волнений и, наконец, вернёт способность любить так, как мы всю жизнь хотели любить. Всё вышеперечисленное – подарки, которые делает нам Христос на Собственный День рождения. Принимая их, мы наконец-то можем найти своё место в Божьем мире. И, когда это происходит, всё остальное тоже встаёт на свои места. Это и есть суть Радостной вести, провозглашённой Евангелистами. Именно это мы празднуем, отмечая Рождество Иисуса Христа!

Чтобы принять эти нематериальные подарки, человеку нужно смириться перед Богом, вернув Ему пальму первенства во Вселенной и позволив Ему занять Своё законное место в сердце? В противном случае, мы так и будем праздновать Рождество и встречать Новый год, надеясь растянуть праздники как можно надольше, но не совсем понимая, что мы празднуем или на что надеемся? Пусть это Рождество не пройдёт для вас незаметно! Счастливого вам грядущего Рождества и благословенного Нового года! Помолитесь своими словами, пригласите Христа в своё сердце – и ждите Рождественского чуда!

НЕДЕЛЯ НАДЕЖДЫ

КАК НЕ ТЕРЯТЬ НАДЕЖДУ ТОГДА, КОГДА НАДЕЯТЬСЯ ТО ОСОБО И НЕ НА ЧТО?

К концу жизни французский философ атеист Жан Поль Сартр практически утратил зрение. В этот момент его секретарём, сподвижником и соавтором стал Бенни Леви, опубликовавший записки со встреч с Сартром в 1980 году (Le Nouvel Observateur, номера за 10, 17 и 24 марта 1980 года). Эти встречи стали своего рода подведением итогов всей жизни и всего того, чему Сартр посвятил себя, переоценкой всего, что он написал. В разрозненных и несвязанных мыслях красной нитью проходит одна тема, тема тихой надежды на то, что, не смотря на все ужасы, что претерпело человечество в XX веке, однажды оно всё же вновь или впервые достигнет того самого «братства». За месяц до своей смерти Сартр признался Леви: «*Я знаю, что умираю, а потому умру с надеждой…*». Однако, помолчав мгновение, он добавил с грустью: «*но для надежды нужно основание*».

Вот в этом простом признании угасающего великого философа, отвергнувшего Бога, и кроется фундаментальная проблема нашей жизни: нам, как воздух, нужна надежда. Австрийский психолог Виктор Франкл, прошедший концентрационные лагеря, писал, что мы не можем жить без надежды, люди гибнут без неё. Но в чём основание нашей надежды? Если быть честными с самими собой, столкнувшись с трудностями, мы будем скорее вынуждены признать, вслед за Владимиром Семёновичем Высоцким: «*Всё будет хорошо… или плохо*». И только рождение Христа закладывает для нашей надежды крепкий незыблемый фундамент, чтобы полностью изменить жизнь.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

40:3 Раздается голос: «В пустыне приготовьте путь Господу; выпрямите в
необитаемой местности дорогу для нашего Бога. 4 Всякий овраг пусть
поднимется, а всякая гора и холм – опустятся; неровная земля пусть станет
гладкой, и бугристые места – ровными. 5 И откроется слава Господня, и все
люди вместе увидят ее… 28 Разве ты не знаешь? Разве ты не слышал? Господь –
есть Бог навеки, сотворивший края земли. Он не устанет и не утомится, разум
Его непостижим. 29 Он дарует силу усталым, укрепляет изнемогших. 30 Даже
юноши устанут и утомятся, молодые упадут от изнеможения; 31 но надеющиеся
на Господа наберутся новых сил. Они воспарят на крыльях, словно орлы,
побегут – и не утомятся, пойдут – и не устанут.

Книга пророка Исайи 40:3-4, 28-31

1:6 Богом был послан человек по имени Иоанн. 7 Он пришел как свидетель,
свидетельствовать о Свете, чтобы благодаря ему все поверили в Этот Свет…
15 Иоанн свидетельствовал о Нем, провозглашая: «Это Тот, о Ком я говорил:
«Идущий за мной – выше меня, потому что Он существовал еще до меня».
16 По Его безграничной благодати мы все получили одно благословение за
другим».

Евангелие от Иоанна 1:6-7, 15-16

Всем нам свойственно верить в такой миф: если я всё сделаю правильно, то и в моей жизни всё будет правильно. Мы просто забываем о том, что невозможно всё сделать правильно, а даже если нам это удалось, это ещё не означает, что все вокруг правильно отреагируют на то, что мы всё сделали правильно… И в итоге правильных людей называют выскочками и не верят в их искренность, да и для достижения успеха, по земным меркам, надо учиться кое-где нарушать правила игры. Тем не менее, мы стараемся, надеемся на благоприятный исход событий, вне зависимости от того, что говорит нам весь предыдущий жизненный опыт.

Рождение Иисуса Христа, Его жизнь, смерть и воскресение учат нас тому, что жизнь в этом грешном мире намного более непредсказуема и несправедлива. Иисусу не было места в этом мире при рождении – кормушка для скота стала Его первой колыбелью. Ему не было места в религиозном обществе – современники считали Его бунтарём, Его учение принесло серьёзные неудобства духовным лидерам того времени. Не было Ему места и после смерти – Его положили в чужую гробницу… Но лишь Он один в конечном итоге был послушным Сыном Своего Небесного Отца, которого Он назвал и нашим Отцом.

Христос с ног на голову перевернул несправедливость этого мира, прожив так, как должны были прожить мы и умерев вместо нас в наказание за наше непослушание Богу. Теперь нам, не заслужившим, не поступавшим полностью правильно открыты рай и жизнь вечная в Царстве Небесном! Пока я полагаюсь на свои добрые дела, на то, что я всё делаю правильно, я буду разочаровываться раз за разом, сетуя на несправедливость этого мира. **Надежда же крепка – когда основана на жизни и смерти Христа!**

ВТОРОЙ ДЕНЬ

1:29 …Иоанн увидел идущего к нему Иисуса и сказал: «Вот Божий Ягненок, Который заберет грех мира»

Евангелие от Иоанна 1:29

45:2 Бог – прибежище нам и сила, неизменный помощник в бедах. 3 Потому и не устрашимся мы, пусть даже дрогнет сама земля и горы обрушатся в бездну моря, 4 пусть воды морские ревут и пенятся и горы дрожат от их волнения.

Псалом 45:2-3

Никто не говорил, что жить и работать будет легко. Но, давайте честно, во многих своих трудностях мы виноваты сами. Виноваты, но изо всех сил пытаемся найти себе оправдание и надеемся, что трудности имеют временный характер. И мы тешим себя тем, что всё обойдётся. Бывает, везёт и не приходится сталкиваться с результатами своих ошибок, но тогда мы предпочитаем не анализировать свои ошибки и делаем ставки на «авось», вселенную, фортуну, судьбу или, может быть, милость Господа Бога, благодаря которым мы и в следующий раз станем исключением из правил.

Подобное **извинения греха лишь отдаляет каждого из нас и лично меня от решения проблем**, это весьма хрупкое основание для надежды. Как часто мы сами разбрасываем старые грабли на пути к чему-то новому в нашей жизни? Как часто сетуем на старые пороки, от которых не избавились вовремя? Снова грабли, снова досада и беспомощность…

Беспомощным младенцем Иисус Христос приходит в этот мир. Беспомощным Он погибает на кресте, чтобы своей беспомощностью дать нам силу жить совсем по-другому, не извиняя больше наши ошибки и грехи, не стремясь найти им оправдание, но даря прощение всегда, когда мы каемся в наших грехах. На что мы так часто надеемся, когда не хотим признать свою вину?

СЕМЁН НАДСОН

ЕСТЬ СТРАНЫ, ГДЕ ЛЮДИ ОТ ВЕКА НЕ ЗНАЮТ...

Есть страны, где люди от века не знают
Ни вьюг, ни сыпучих снегов;
Там только нетающим снегом сверкают
Вершины гранитных хребтов...
Цветы там душистее, звезды крупнее,
Светлей и нарядней весна,
И ярче там перья у птиц, и теплее
Там дышит морская волна...
В такой-то стране ароматною ночью,
При шепоте лавров и роз
Свершилось желанное чудо воочью:
Родился Младенец Христос.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

43:1 Не бойся, ведь Я тебя искупил; Я позвал тебя по имени – ты Мой. 2 Когда ты станешь переправляться через воды, Я буду с тобой; когда будешь переправляться через реки, они тебя не потопят. Когда ты пойдешь сквозь огонь, не обожжешься; пламя тебя не опалит. 3 Ведь Я – Господь, твой Бог, Святой Израилев, твой Спаситель; в выкуп за тебя Я отдаю Египет, Куш и Севу вместо тебя. 4 Так как ты драгоценен и славен в Моих глазах, и Я люблю тебя…

Книга пророка Исайи 43:1-3

1:8 Если мы заявляем о том, что мы безгрешны, то обманываем самих себя, и в нас нет истины. 9 Если же мы признаем наши грехи, то Он простит их нам и очистит нас от всякой неправедности, потому что Он верен и справедлив.

1 Послание Иоанна 1:8-9

Мы можем пытаться оправдать свой грех, либо признать его и таким образом повернуться к Богу лицом – и получить шанс всё поменять. В покаянии мы не просто признаёмся в грехах и проступках. Мы поворачиваемся к Богу лицом. И об этом стоит напоминать себе снова и снова! **Признание ошибок, неправоты, греха приводит нас в объятия Небесного Отца, из которых нас хотел вырвать грех!**

С практической точки зрения, когда мы признаём вину, рождается надежда на то, что мы не будем больше повторять ошибок прошлого. По крайней мере, будем изо всех сил пытаться. Но это ещё не всё, ведь признавая свои грехи перед Богом, мы обретаем прощение и усыновление. Мы приняты теперь в Его семью. Это прощение не даётся просто так. Ради нашего прощения Иисус в наказание за наш грех умер на кресте. Ради нашего усыновления Небесным Отцом, Его Первенец Христос Сам прошёл через отверженность – помните Его крик со креста: «Отче, почему Ты оставил меня?» Небесный Отец передал Своего Сына приёмному отцу Иосифу, Он оставил Иисуса умирать на кресте, чтобы мы были усыновлены. И мы можем быть уверены теперь в том, что приняты, потому что Он был оставлен там на кресте, когда взял наши грехи на Себя, чтобы подарить нам надежду.

Моя надежда – в Божьем принятии. И теперь моя надежда – это не просто чувство или душевное состояние, у моей надежды крепкий фундамент, она основана не на моих добрых делах, но на благодати Бога и на жертве Христа, которого после смерти воскресил Небесный Отец.

ЧЕТВЁРТЫЙ ДЕНЬ

30:2 У Тебя, Господи, я ищу прибежища. Не дай мне быть постыженным никогда;
по Своей праведности спаси меня! 3 Услышь меня и поспеши избавить. Будь
мне скалой и прибежищем, надежной крепостью, чтобы спасти меня. 4 Ты
моя скала и крепость ради имени Своего веди меня и направляй… 15 На Тебя,
Господи, надеюсь! Я говорю: «Ты мой Бог!»

Псалом 30:2-4, 15

3:5 Доверяй Господу от всего сердца и не полагайся на собственный разум; 6
познавай Его во всех своих путях, и стези твои Он сделает ровными.

Притчи 3:5-6

Нам всем нужна надежда, и каждый из нас находит её в чём-то своём. Для одних она в хорошей семье, в которой они выросли, которая посей день готова подставить плечо и выручить в трудную минуту. Для других она в работе и карьере. Кто-то надеется в будущем получить хорошую работу благодаря хорошему образованию. Кто-то полагается на друзей. Кто-то надеется на свои связи. Не то, чтобы мы отрицали существование Бога, но часто мы живём так, будто бы Господь не имеет никакого отношения к нашей жизни…

Мы так часто не надеемся на Бога до тех пор, пока не оказываемся в ситуации, когда нам не на кого больше надеяться, кроме как на Бога. Хотя в церкви мы слышим, поём и произносим в молитве слова о том, как каждый день Господь может быть крепким фундаментом нашей уверенности в завтрашнем дне. **Пришло время перестать верить эмоциям и опыту, но довериться Божьему Слову и доверять Богу Первым!**

АФАНАСИЙ ФЕТ

ЯВЛЕНИЕ АНГЕЛА ПАСТЫРЯМ

Встаньте и пойдите
В город Вифлеем;
Души усладите
И скажите всем:
«Спас пришел к народу,
Спас явился в мир!
Слава в вышних Богу,
И на земли мир!
Там, где отдыхает
Бессловесна тварь,
В яслях почивает
Всего мира Царь!»

ПЯТЫЙ ДЕНЬ

6:16 Люди клянутся чем-то бóльшим, чем они сами; клятва подтверждает
сказанное и кладет конец всякому спору. 17 Так и Бог, когда хотел ясно показать
наследникам Своего обещания, что намерения Его неизменны, то подтвердил
их клятвой. 18 И в этих двух неизменных вещах – в обещании и в клятве,
которые у Бога не могут быть ложными, – мы, нашедшие у Него убежище и
ухватившиеся за предстоящую нам надежду, получаем сильное ободрение. 19
Эта надежда – крепкий и надежный якорь для нашей души. Она позволяет нам
войти во внутреннюю часть святилища, за разделяющую его завесу, 20 туда,
куда вошел наш предшественник Иисус, став навеки Первосвященником по
чину Мелхиседека.

Послание Евреям 6:16-20

Сталкиваясь с трудностями, мы слышим со всех сторон слова ободрения, как всё будет хорошо, как нужно просто поверить в благоприятное стечение обстоятельств, каким бы нелогичным оно ни казалось – нужно же на что-то надеяться!.. Но **надежда живёт не в психологии и не в силе позитивного самовнушения. Надежда живёт в богословии, то есть в том, насколько хорошо и близко мы знаем Господа и как сильно Ему доверяем.**

Рождество напоминает нам о том, что даже при всей беспомощности Младенца Иисуса Творец не выпускает мир из Своих рук ни на мгновение. Крест Христов говорит нам о том, что именно когда кажется, что Бог отвернулся и надеяться больше не на что, Господь совершает Свои самые великие дела!

ШЕСТОЙ ДЕНЬ

32:1 Радуйтесь, праведные, о Господе! Честным подобает Его хвалить… 20 Уповает на Господа наша душа, Он нам помощь и щит. 21 В нем ликуют наши сердца, ведь мы уповаем на святое имя Его. 22 Да будет милость Твоя с нами, Господи, ведь мы на Тебя надеемся».

Псалом 32:1, 20-22

Мы можем с уверенностью смотреть в будущее! Не потому что завтрашний день мне что-то сулит, не потому, что я могу на что-то рассчитывать. Жизнь постоянно учит нас ровно обратному, напоминая, что никто никому ничего не должен и ни от кого мы ничего не можем ожидать. Но мы с уверенностью смотрим в неизвестность завтрашнего дня именно потому, что знаем, что хорошо известный нам Господь встретит нас в этом неизвестном будущем. **Когда мы Богу доверяем, мы знаем, на основании Кого всё в нашей жизни будет хорошо.**

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

1:3 Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всяческого утешения. 4 Он утешает нас во всех наших тяготах, чтобы и мы, в свою очередь, могли утешить других в их горе тем утешением, которым Бог утешает нас.

2 Послание Коринфянам 1:3-4

4:14 У нас есть великий Первосвященник, прошедший небеса, – Иисус, Сын Божий. Поэтому давайте твердо держаться истины, которую мы и исповедуем. 15 Наш Первосвященник не из тех, кто не может сочувствовать нам в наших слабостях. Он был искушен во всем, как и мы, за исключением греха. 16 Поэтому давайте приблизимся смело к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для своевременной помощи.

Послание Евреям 4:14-16

Мы можем не соглашаться с тем, что мы думаем по поводу нашего города: одним нравятся перемены в нём, другим нет. Но абсолютно все мы едины в том, что город должен меняться к лучшему, становиться более приспособленным к жизни. Может тогда люди в нём были бы добрее друг ко другу…

Зачастую наши проблемы сводятся именно к тому, что они просто есть. Мы их озвучиваем вместе с желанием, чтобы что-то поменялось… Но что мы потом делаем по этому поводу? Чаще всего просто идём дальше.

Рождество напоминает нам о том, что Господу настолько не всё равно, что происходит в нашем мире, что Он стал частью это мира и частью нашей жизни. Иисус Христос подарил нам надежду, чтобы и мы дарили её окружающим, чтобы мы делали это не своими силами, но несли своему городу заботу Христа. Когда сердце наполнено надеждой, мы становимся руками, ногами и сердцем Христа – в служении ближним, в проявлении Божьей любви на практике. **Надежда Бога к служению тем, кому не на кого кроме Бога надеяться, побуждает меня.**

ПОВОД ЗАДУМАТЬСЯ О ВЕЧНОМ

Нам всем нужна надежда и каждый из нас находит её в чём-то своём. Для одних она в хорошей семье, в которой они выросли, семье, что и сейчас готова подставить плечо и выручить в трудную минуту. Для других она в работе и карьере. Кто-то надеяться в будущем получить хорошую работу, благодаря великолепному образованию. Кто-то полагается на друзей. Кто-то надеется на свои связи. На чём основана наша надежда, наша уверенность в завтрашнем дне? Насколько крепок этот фундамент?

Рождественская история дарит незыблемый фундамент моей жизни: я принят Господом в Его небесную семью, меня ждёт дом в вечности и грехи мои прощены. Никто и ничто не в силах украсть это у меня. Я могу быть уверен в этих вещах, вот в чём сегодня моя надежда. В это Рождество перед каждым из нас стоит простой выбор мы можем полагаться на превратности судьбы, или довериться Вершителю судеб. Выбор за нами, и никто не сделает его за нас. Что удерживает вас от того, чтобы в тихой молитве покаяния прийти к Богу или вернуться к Нему, вновь вверив свою жизнь в Его руки? Попросить прощение за грехи и прошептать: «***Войди в мою жизни и сделай из меня такого человека, каким ты хочешь меня видеть***».

ЕВГЕНИЙ ПОСЕЛЯНИН

НИКОЛКА

Все для разговенья было готово. Пирог подрумянился, и от одного вида хорошо поджаренной, промасленной корки становилось сладко; жирный кусок баранины распространял по избе заманчивый запах; из выставленного только что из печи горшка с горящими щами шел густой пар. В избе было почти все прибрано. В святом углу с почерневшею большою иконой Скорбящей и новенькими образами в бумажных ризах засвечена была лампадка.

Сквозь окна уже почти не видно было света. День быстро скрывался. Михайла во дворе запрягал дровни. Пора было собираться ко всенощной. Ехать нужно было не в приход, а в большое село Трехбратское, лежавшее от деревни верстах в двенадцати. Там был храмовый праздник.

Хозяйка Михайлы, Марья, ухватистая, высокая румяная баба, быстро довершала уборку избы. Выставив из печи на стол жареное и пирог, она прикрыла их и крикнула пасынку своему, Николке, мальчику лет семи, чтобы вынес в сени кошку и не пускал ее в избу, а то еще вздумает полакомиться их разговеньем. Покончив с приготовлением к завтрашнему обеду, Марья стала обряжаться. Она была из зажиточного дома в Трехбратском и любила показать себя лицом. Не хотелось ей в такой день выезжать кое в чем. И когда надела она цветной сарафан сдутыми серебряными пуговками, голову повязала красным шелковым платком, накинула тулуп, крытый тонким синим сукном, то стала еще величавее и пригляднее.

Вошел в избу Михайла, пустив за собою клубья морозного воздуха, и тоже начал одеваться по-праздничному. Только у Николы не было ничего нового. Все же он надел вымытую рубаху и, напялив свой заплатанный полушубок, стоя в углу, бережно оправлял мятый картуз, который в обыкновенные дни надевал на голову, не заботясь об его виде. Михайла несколько раз украдкой взглянул на сынишку. Может быть, ему стало жаль, что у него нет к празднику обновы. Он мог также думать, что было бы иначе, если бы жива была мать Николки. Сам же Николка не думал ни о мамке, ни об обновах. Он старался стоять как можно тише, чтобы чем-нибудь не рассердить мачеху. Он был очень рад, что его берут в село, и ему хотелось поскорее сесть на дровни, где его уже не за что будет бранить.

В Трехбратском должны были заночевать у родных Марьи и только уже после обедни вернуться домой. Все это очень занимало Николку. Изготовившись, Михайла поплотнее завернулся сверх полушубка в широкий армяк и покрепче подпоясался. Марья устроила у себя на груди своего годовалого ребенка, загасила огонь, оставив одну лампадку, и все вышли наружу, Михайла с Марьей поместились спереди, а Николка с большим удобством прилег сзади, и так поехали.

Сытая, сильная лошадь бежала весело. Схваченный суровым морозом снег визжал под полозом, дровни скользили ровно и плавно. На густом ворохе соломы и покрытым еще сверху старым отцовским кафтаном Николке было тепло. Сперва он долго глядел то вверх, на небо, сверкавшее бесчисленными, все продолжавшими высыпать звездами, то на огоньки в избах встречных деревень, то в темноватую даль, и с боков, и спереди, и сзади обступавшую дровни. Потом от ровной езды и от той тишины, в которой они ехали, Николка стал дремать. Сквозь забытье чувствовал он, что дровни въезжали уже в лес и что если б он был один, ему бы тут стало страшно, а со своей семьей на дровнях здесь было еще лучше, чем в поле. С обеих сторон точно обнимали узкую дорогу громадные сосны и редкие лиственные деревья, и прежняя тишина сменилась каким-то странным и загадочным непрерывным шепотом. Бог весть, о чем думал Николка.

Хотелось бы ему лета, когда в этом самом лесу, на полянках, в траве, распускались цветы и зрели ягоды, а близ кочек подымались грибы, или думал он о селе, горящей огнями церкви с громким пением и праздничным народом, или хотелось ему, чтобы кто-нибудь приласкал его. Но сладко было в этот вечер Николке дремать на дровнях, среди леса, под убаюкивающее визжание полозьев.

Вдруг что-то потянуло его оглянуться назад. Высвободив голову из-под кафтана, он посмотрел на дорогу. Не очень далеко от дровней бежало что-то разбросанное, черное, и из этого черного светились как будто прыгающие огоньки. Николке стало страшно. Он быстро поднялся в дровнях на колени

и заглянул через отца на лошадь. Лошадь дрожала, уши ее поднялись, и она трусливо водила ими.

– Чего ворочаешься-то? – спросила недовольно мачеха. В ее голосе слышалась тревога. Николка обернулся еще раз назад. Огоньки приближались. Уже ясно слышался шум надвигающейся массы.

– Тятька, волки! – закричал Николка.

Михайла видел все. Он почувствовал опасность, когда лошадь насторожила уши, и, зная, что делать тут нечего, только молил Бога унести их от беды. Он надеялся лишь на одно, что волков мало или что кто-нибудь подъедет сзади, и они отобьются вместе. Погоняя лошадь, он оглянулся назад: целая стая волков гналась за ними. Лошадь бежала изо всех сил, но расстояние между стаей и дровнями становилось все меньше.

– Держись, – закричал Михайла, – все кучкой сидите. Бог милостив, может, уедем! – И, приподнявшись, он стал неистово, до крови, нахлестывать лошадь.

Высоко забросив голову, лошадь точно стлалась над землей. В смертельном ужасе прижимая к себе ребенка, Марья смотрела вперед. Михайла то и дело оборачивался. За спиной Марьи, лицом к волкам, стоял на коленях Николка. Ему уже было слышно дыхание зверей. Он понимал, что, когда волки совсем нагонят, они бросятся на него первого. Он не плакал, не кричал, не бился, но весь замер.

– Николку, Ни колку держи, – кричал Марье Михайла.

Но Марья все сидела неподвижно. Волки настигали. Морда переднего волка касалась уже дровней. Через мгновенье он бежал с ними в уровень. Скоро дровни должны были очутиться в самой середине стаи. Ужасные огоньки волчьих глаз мелькали со всех сторон, слышалось тяжелое дыхание страшных зверей. Вдруг Марья поднялась и, одной рукой продолжая придерживать своего ребенка, другою со страшной силой подняла за полушубок Николку и с безумным криком швырнула им в волков.

«Тятька, тятька!» – раздалось в воздухе.

Но дровни летели дальше. Обезумевшая лошадь несла их неудержимо. Был ли затемнен ум Михайлы, не слыхал ли он, как зовет его сынишка, но он все хлестал бесившуюся лошадь. Атам, сзади, чернела на белом снегу стая, окружившая сброшенного с дровней мальчишку.

Когда мачеха сбросила Николку волкам, кроме безграничного ужаса, мертвящим холодом прохватившего его до костей, он ясно осознавал: «съедят», и, закрыв глаза, лежал на земле, не пытаясь встать. Между тем все было тихо. Оттого что волки не бросились на него сразу, ему стало еще страшнее. Со страшным усилием, как бы ожидая воочию увидеть свою смерть, он осмелился открыть глаза. Волков не было. На снегу было тепло.

И вдруг что-то радостное, такое, чего он не испытывал еще никогда в жизни,

охватило мальчика.

Почему-то ему стало ясно, что он спасен. Какая-то сила стояла вокруг него в лесу, меж деревьев, лилась с высокого неба, и эта сила ласкала и оживляла его. Эта сила смела куда-то страшную стаю волков и, торжествующая, наполняла благоволением и радостью весь лес. То была какая-то бесплотная сила. Она неслась над землей и разливала вокруг себя успокоение и отраду. И там, куда приближалась она, белее стлалась снежная пелена, горячей и приветливей светили с неба звезды, и все с ликованием встречало сошествие чудного Младенца. Земля чуяла эту животворящую силу. И пред ее шествием седые сосны склоняли свои гордые вершины, а под снежным саваном та сила совершала невыразимые вещи.

По деревьям от корней потекли живые соки, на лучах снег покрывался зеленой свежей травой, зацветали цветы. Нежный подснежник, чистый ландыш, белая ромашка, голубая незабудка, полная благоухающей влаги фиалка, – прорастали там, где за минуту лежал мерзлый снег, и в лиловых чашечках колокольчиков слышался веселый тоненький звон…

Рои легких стрекоз с прозрачными крыльями и легких бабочек кружились над расцветшими вокруг цветами…

Подняв ледяную, мгновенно растаявшую кору, журчали светлые ручьи, спеша скорее добежать до больших рек, до дальнего теплого моря…

И всюду, где проходила та сила, была торжествующая бессмертная жизнь, и не было там ни смерти, ни горя, ни сожаления…

И над всем этим просветлением и радостью шла она, всепрощающая, победоносная сила…

Вокруг нее слышался тихий полет чьих-то легких крыльев, доносились отголоски какой-то песни, когда-то давно, в такую же ночь, спетой с неба бедной освобожденной земле и услышанной тогда несколькими пастухами…

В больших городах суетою были заглушены те отголоски, но в лесу им внимала пробужденная природа, вторившая им радостным ропотом жизни, да спасенный тою силою деревенский мальчик, и, когда прошла она, снова холодно, тихо и грозно было в лесу. Не стало в нем ни журчащего ручья, ни только что расцветших цветов, ни порхающих бабочек…

Не было также мальчика…

Только следы полозьев да волчьих лап были по-прежнему на снегу, да весело мигали с неба ясные звезды, да старые сосны неспешно завели непонятную речь о том, что они видели…

Ускакав от волков, Михайла и Марья были в самом ужасном положении. Страшное пустое место в дровнях, где лежал, когда они выехали со двора, Николка, зияло перед ними грозным обличением. Они не смели вернуться назад высвобождать Николку. И страшно было ехать вперед, страшно

подумать о церкви. В головах у них было туманно. Они не перемолвились ни одним словом и сумрачные въехали в село.

Издали в ночной морозной тишине доносился благовест звучного колокола. Скоро открылась церковь, расположенная поодаль барского дома на высоком, издали видном месте. Около церкви стоял гул еще неуспевшего войти внутрь народа. Здравствование и перебрасывание словами, окрики на лошадей, визг полозьев и шагов по затвердевшему снегу отчетливо раздавались в застывшем и неподвижном от холода воздухе. Мальчики плясали по снегу, чтобы согреться, и дули в пальцы; пришедшие пешком присаживались отдохнуть на выступ каменной ограды; входившие в церковь снимали на паперти с высокою крышей шапки и крестились. Сквозь стеклянные широкие двери виден был изнутри яркий свет и колыхающаяся толпа.

Только Михайла и Марья без радости, с тяжелым сердцем, вошли в церковь. Еще на селе им показалось, что парень во дворе у родных, которому они сдали лошадь, смотрит на них подозрительно. Не могли они отвечать никому, кто здоровался с ними; не смели никому глядеть в глаза, не смели пройти вперед и остановились неподалеку от дверей.

Прямо перед ними был алтарь. Много свечей пылало перед местными иконами, к ним прибавлялись все новые, а они не смели и подать на свечу. Михайла тосковал по сынишке, а Марья терзалась жгучим раскаянием.

Ей чудилась другая женщина, мать Николки, и эта женщина смотрела на нее неотступно грустными глазами, и в ушах Марьи слышался ужасный шепот: «Что ты с ним сделала?»

Служба шла. Отчитали Шестопсалмие; открылись потом Царские врата; притч вышел к иконе на середину церкви, и раздалось величание родившемуся Младенцу. Потом пошли кадить в алтарь, и голоса детей из сельской школы тихо и стройно стали повторять слова величания. В это время Марья, широко раскрытыми глазами смотревшая вперед, дернула мужа.

– Видишь, – сказала она, чуть не задыхаясь, – Николки душенька по церкви ходит.

– Вижу, – отозвался Михайла.

Действительно, Николка в старом полушубке и валенках, держа в руках старый картузишко, видимо, только для Михайлы и Марьи, ходил по церкви. Он шел за священником, входил за ним в алтарь, вышел назад и пошел за ним по церкви, и, когда священник, недалеко от Михайлы и Марьи, покадил в их сторону, шедший за священником Николка низко им поклонился.

– Поедем домой. Мочи нет моей, – шепнула Марья мужу, и они вышли из церкви и поехали домой другим путем.

Не смела Марья молиться, но в уме ее стояла одна мысль, – что Бог велик и что Он мог бы сделать так, как будто ничего этого не было. С сокрушенною душой,

сознавая себя последнею из грешниц, входила она в избу. Лампада теплилась перед иконой Скорбящей и образами в золотых бумажках. На лавке под образами тихо спал в полушубке, картузишке и валенках живой, невредимый Николка…

А по всей вселенной всю ту ночь ходила великая Божия сила.

1910-е

КАК СОХРАНИТЬ МИР, КОГДА ВСЁ ИДЁТ СОВСЕМ НЕ ТАК, КАК ХОЧЕТСЯ?

В конце декабря 1914 года, когда в Европе бушевала Первая мировая война, на западном фронте произошли необъяснимые события, вошедшие в историю, как «Рождественское перемирие». Приблизительно за неделю до Рождества сперва английские и германские, а затем и французские солдаты на Бельгийском фронте начали обмениваться поздравлениями через окопы и петь роджественские песни. Стрельба прекратилась, и бывшие враги начали дарить друг другу подарки – продукты, шоколад и сувениры. Иногда даже играли в футбол. Это явление было совершенно спонтанным. На каких-то участках фронта оно было короче, где-то его не было совсем, а где-то оно продлилось довольно долго. Через год перемирие повторилось, но не было уже таким распространённым или продолжительным. Год кровопролитных боёв дал о себе знать.

В чём-то эта история напоминает нам происходящее в наших семьях во время праздников. Старые ссоры забываются, все собираются за одним столом, но, почему-то, как только заканчиваются праздники, обиды вновь выходят на первый план, будто мир в доме убирают в коробку вместе с ёлочными игрушками. Как же сделать так, чтобы мир этот был более долговечным? Рождение Христа, приход в мир Бога наполняет наши жизни миром, которому нет конца.

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ

9:6 Младенец родился нам, Сын дан нам! На плечи Его будет возложена власть, и Он будет назван: Чудесный Советник, Могучий Бог, Вечный Отец, Князь, дарующий мир.

Книга пророка Исайи 9:6

2:13 …к ангелу присоединилось многочисленное небесное воинство, славившее Бога и восклицавшее: 14 «Слава Богу в вышине небес! А на земле мир людям, к которым Он благоволит!»

Евангелие от Луки 2:13-14

Ангелы славят Бога не за какой-то гипотетический мир и не за хрупкое чувство умиротворения, которое так легко потерять, но за то, что Господь Бог даёт мир именно тем, кто готов принять Его. Ведь чувство умиротворения столь хрупкое именно потому, что зачастую оно исходит не от Бога, но зависит в нашей жизни от каких-то внешних вещей. Например, вы заходите в храм и вдруг наполняетесь миром. Это происходит не потому, что здесь в церкви Дух Святой работает каким-то особенным образом, а из-за того, что здесь мы ощущаем тишину, наслаждаемся музыкой и архитектурой. Точно также, как, окажись мы посреди зимы на берегу моря, мы бы тоже ощущали мир, связанный с тёплым воздухом, запахом соли, приносимым каждой волной, разбивающейся о песок. Вот и выходит, что окружающий нас мир дарит поверхностное, хрупкое умиротворение, зависящее от множества факторов. Но **Господь Бог дарит нам крепкий, внутренний мир в душе, зависящий только от того, что Он уже сделал для нас и за нас на кресте**.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

2:33 Он будет причиной падения и возвышения для многих в Израиле и станет знамением, которое будет многими отвергаемо

Евангелие от Луки 2:33

15:12 Вот Моя заповедь: любите друг друга, как Я вас полюбил. 13 Никто не может любить больше, чем тот, кто отдает жизнь свою за друзей. 14 Если вы делаете то, что Я вам повелеваю, то вы – Мои друзья. 15 Я больше не называю вас слугами, потому что слуга не знает, что делает его хозяин, но Я называю вас друзьями, потому что все, что Я услышал от Моего Отца, Я открыл вам.

Евангелие от Иоанна 15:12-15

Наш грех отделяет нас от Бога с рождения. Мы не просто делаем то, что делать не должны, мы чувствуем то, что чувствовать не должны, например, когда мы завидуем другим людям. Мы думаем то, что думать не должны, например, когда мы осуждаем других людей. Более того, мы не делаем то, что должны, не чувствуем то, что должны, например, сострадание, и не думаем то, что должны, например, предпочитая верить в хорошее в тех людях, с кем мы сталкиваемся. И это ещё не всё – все эти вещи мы делаем не просто с какими-то внешними и далёкими нам людьми, мы делаем это чаще всего с теми, кто нам ближе всего и кого мы безмерно любим. Например, как часто мы это делаем с нашими родителями? С нашими жёнами? С нашими детьми?

Мы поражены грехом до глубины души! Мы хотим вести себя лучше, чувствовать лучше, думать о других лучше, у нас просто не получается, как бы мы не старались. А в результате мы злимся на Бога, обижаемся на Бога или демонстративно игнорируем Бога. Вот подумайте об этих последних глаголах, ведь всё это описание конфликта, войны в самом сердце всей нашей жизни. Из этого конфликта теперь выходят все остальные ссоры в нашей жизни. Поэтому мир, который дарит мир, не способен решить этой фундаментальной проблемы, он может лишь замаскировать её, и потому всякое возвращение из отпуска, из праздников – это возвращение солдата на передовую. А мы так часто даже и не отдаём себе в этом отчёт, думая, что вроде бы совсем недавно отдыхал, от чего же я вновь такой недовольный всем и вся вокруг меня.

Но **Христос приходит в этот мир, чтобы наконец-то примирить нас с Богом**. Он в буквальном смысле слова берёт наши преступления и их разрушительные последствия на себя.

ЛЕВ МЕЙ

ТО БЫЛИ ВРЕМЕНА ЧУДЕС...

То были времена чудес,
Сбывалися слова пророка:
Сходили ангелы с небес,
Звезда катилась от Востока,
Мир искупленья ожидал -
И в бедных яслях Вифлеема,
Под песнь хвалебную Эдема,
Младенец дивный воссиял,
И загремел по Палестине
Глас вопиющего в пустыне...

1855

ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ

5:1 Поэтому, получив оправдание по вере, мы имеем мир с Богом через нашего Господа Иисуса Христа. 2 Через Него нам верою открыт доступ к благодати, в которой мы сейчас и стоим… 10 Если мы, в прошлом враги Богу, примирились с Ним через смерть Его Сына, то тем более, уже примиренные, мы будем спасены Его жизнью! 11 Более того, мы хвалимся Богом через нашего Господа Иисуса Христа, через Которого мы теперь и получили это примирение! …

Послание Римлянам 5:1, 10-11

7:21 Я обнаружил, что здесь действует такой закон: когда я хочу делать добро, то зло уже тут как тут. 22 Внутренне я радуюсь Божьему Закону, 23 но в моем теле действует другой закон. Этот закон ведет войну против закона моего разума и делает меня пленником закона греха, который действует в членах моего тела. 24 Несчастный я человек! Кто бы избавил меня от этого тела смерти? 25 Но благодарение Богу, Который сделал это через Иисуса Христа, нашего Господа!

Послание Римлянам 7:21-25

Наше сердце без Бога суетится, потому что никак не может определится с нереализуемыми желаниями в нашей жизни. Окружающий нас мир говорит нам постоянно о том, что наша самая главная проблема, источник всех наших конфликтов заключаются в том, что мы просто не поняли, кто мы на самом деле и чего мы больше всего хотим от жизни. Но проблема в том, что просто невозможно быть в мире с тем, чего тебе больше всего хочется, потому что мне хочется похудеть и вкусно поесть, мне хочется добиться успеха в карьере и при этом не потерять свою семью, чтобы мои дети знали своих папу и маму в лицо, а не только по фотографиям. Что мне делать, если работа моей мечты – это не работать? Как мне быть тогда? Не говоря уже о том, что мы хотим поступить правильно, но при этом мы также хотим, чтобы нам было приятно, поэтому мы часто выбираем «приятно» и жалеем потом, что это так неправильно. **Проблема не в желаниях, а в том, что без Бога мы не можем расставить верно приоритеты в нашей жизни и уж тем более мы не способны отложить удовольствие, потому что, если поступать правильно, то со временем будет очень приятно**. Лишь только тогда, когда мы обретаем мир с Богом, мы вдруг обнаруживаем в себе силы делать именно то, что нам хочется больше всего и неожиданно для себя открываем, насколько приятно бывает поступать правильно.

ОДИННАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

4:3 Меня очень мало заботит, как вы или кто-то другой будет обо мне судить. Я
и сам не сужу себя. 4 Совесть моя чиста, хотя не это оправдывает меня. Но мой
судья – Господь.

Первое послание Коринфянам 4:3-4

7:20 Каждый пусть остается в том положении, в котором он был, когда Бог его
призвал. 21 Если ты был рабом, когда Бог тебя призвал, то пусть тебя это не
смущает, хотя если у тебя есть возможность получить свободу, то воспользуйся
ею. 22 Потому что раб, призванный Господом, – свободный Господа, и точно так
же тот, кто призван свободным, – раб Христа. 23 Вы были куплены за дорогую
цену, так не становитесь же рабами людей.

Первое послание Коринфянам 7:20-23

Сложно справиться с чувством, что ты не оправдал чьих-то ожиданий, учитывая, что они могут касаться буквально всех аспектов жизни. Когда ты женишься? Почему ты ещё не замужем? Сколько ты зарабатываешь? Почему ты ещё не добился успеха или почему ты не использовал по максимуму ту позицию, что тебе была дана? Почему у вас нет детей? При этом окружающие нас могут нам обо всём этом даже и не говорить, всё это может жить исключительно у нас в голове. То есть это не реальные ожидания внешнего мира, а те, что мы ему приписываем.

Сохранить мир в сердце с такой ситуации практически невозможно. Но всё меняется в нашей жизни, когда мы примиряемся с Богом. Если есть возможность получить повышение по службе – не упускайте её. Есть возможность жениться – женитесь! Есть возможность купить квартиру – покупайте! Есть возможность родить детей – рожайте! Есть возможность усыновить – усыновляйте! Но эти ожидания, амбиции и желания теперь не управляют вами! Вы больше не заложники людей, и не рабы суждений о том, чего именно кто должен был бы достичь к этому моменту… **Христос освободил нас! Мы обрели свободу благодаря тому, что Иисус лишился мира, умерев на кресте и приняв на Себя ожидания той совершенной жизни, что мы так и не смогли прожить.**

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

РОЖДЕСТВО

Мой календарь полу-опалый
пунцовой цифрою зацвел;
на стекла пальмы и опалы
мороз колдующий навел.
Перистым вылился узором,
лучистой выгнулся дугой,
и мандаринами и бором
в гостиной пахнет голубой.

1921

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

5:16 Итак, теперь мы уже не смотрим ни на кого с человеческой точки зрения. Когда-то мы смотрели так на Христа, но больше не смотрим. 17 Поэтому, если кто-то находится во Христе, он уже новое творение. Все старое миновало, теперь все новое! 18 А все это от Бога, Который примирил нас с Собой благодаря Христу и дал нам служение примирения. 19 То есть Бог через Христа примирил с Собой мир, не вменяя людям их грехов, и Он поручил нам возвещать весть об этом примирении.

Второе послание Коринфянам 5:16-19

Нам повезло, нам выпал счастливый билет – мы не знаем, сколь радостен день окончания изнурительной войны. Но все, кто дожил до того дня окончания страшной войны, говорили, что невозможно было скрыть эту радость, она выплёскивалась на улицы и площади, вырывалась из каждого окна. О мире невозможно было молчать!

Рождение Христа, Его совершенная жизнь и совершенно незаслуженная смерть примирили людей с Богом. Этот мир самым кардинальным образом преображает нашу судьбу, даруя шанс быть в мире с Богом, с собой и окружающими. И **разве мы можем об этом молчать и не делиться этим миром с теми, кто нас окружает?** Кому в это Рождество мы расскажем о мире, способном изменить их мир?

ТРИНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

4:16 Однажды Иисус пришел в Назарет, в город, где Он вырос, и в субботу, как обычно, Он отправился в синагогу. Там Иисус встал, чтобы читать. 17 Ему подали свиток пророка Исаии, Он развернул его и нашел место, где было написано: «18 «Дух Господа на Мне, потому что Он помазал Меня возвещать бедным Радостную Весть. Он послал Меня провозглашать свободу пленникам, прозрение слепым, освободить угнетенных, 19 возвещать год Господней милости». 20 Иисус свернул свиток, отдал его служителю и сел. Глаза всех в синагоге были прикованы к Нему. 21 Он начал говорить: «Сегодня, когда вы слушали, исполнились эти слова Писания».

Евангелие от Луки 4:16-21

25:34 Тогда Царь скажет тем, кто по правую сторону: «Придите ко Мне, благословенные Моим Отцом, получите ваше наследство – Царство, приготовленное вам еще от создания мира. 35 Потому что Я был голоден, и вы накормили Меня; Я хотел пить, и вы напоили Меня; Я был странником, и вы приютили Меня. 36 Я был наг, и вы одели Меня; Я был болен, и вы ухаживали за Мной; Я был в темнице, и вы пришли навестить Меня»… 45 Он им ответит: «Говорю вам истину: все, чего вы не сделали для одного из наименьших, вы не сделали Мне». 46 И они пойдут в вечное наказание, а праведники – в вечную жизнь.

Евангелие от Матфея 25:34-36, 45

Мир – это не только отсутствие войны, в Библии мир – это процветание: экономическое, политическое, культурное, социальное. Это забота о тех, кому больше всего нужна наша помощь. Не потому что так надо или так правильно, но миром с Богом, мир с собой и с другими людьми делает нас благословением для нашего города. Христос в Своей самой первой проповеди говорит, что Он пришёл, чтобы эти слова стали реальностью. Более того, Христос говорит, что это является критерием нашей веры – наполнены ли мы настолько миром с Богом, что теперь можем быть благословением для самых незащищённых слоёв населения.

Адвент – это не только и даже не столько время воспоминания о том, что Христос уже пришёл, это ещё и напоминание о том, что Он грядёт вновь! Творцу Вселенной не всё равно, что происходит с самыми слабыми, потому что Он был сам однажды слаб. Он родился в нищете. Ещё ребёнком Он был беженцем. Его мать была вдовой. Он был объявлен вне закона, взят под стражу и предстал перед верховным судом. Он был приговорён к смерти не за Свои, но за наши грехи. И теперь **для Него важно, чтобы и наш мир был не умиротворением у окна или камина с чашкой горячего чая или шоколада, но благословением для тех, кому так не хватает мира в их жизни**.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

12:18 Если возможно с вашей стороны, живите в мире со всеми. 19 Друзья мои, не мстите за себя, лучше оставьте место для гнева Божьего, ведь Господь говорит в Писании: «Предоставьте месть Мне, Я воздам». 20 Напротив: «Если враг твой голоден – накорми его, если он хочет пить – дай ему напиться. Поступая так, ты соберешь горящие угли ему на голову». 21 Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.

Послание Римлянам 12:18-21

5:23 Поэтому если ты приносишь в дар Богу свою жертву и перед жертвенником вспомнишь, что твой брат обижен на тебя, 24 то оставь свой дар перед жертвенником и пойди вначале помирись с братом, а потом приходи и приноси жертву. 25 Поторопись помириться со своим обвинителем

Евангелие от Матфея 5:23-25

1:9 Был истинный Свет, Который просвещает каждого человека, приходящего в мир. 10 Он был в мире, который через Него был создан, но мир не узнал Его. 11 Он пришел к Своим, но Свои не приняли Его.

Евангелие от Иоанна 1:9-11

Помните классическую песню «Пять минут» 1955 года из кинофильма «*Карнавальная ночь*» про Новый год? Она звучит практически в каждой квартире в канун праздников, потому что не так уж просто в это время избежать просмотра этого великолепного фильма. В ней есть простые слова: «*Бой часов раздастся вскоре – Помиритесь те, кто в ссоре*».

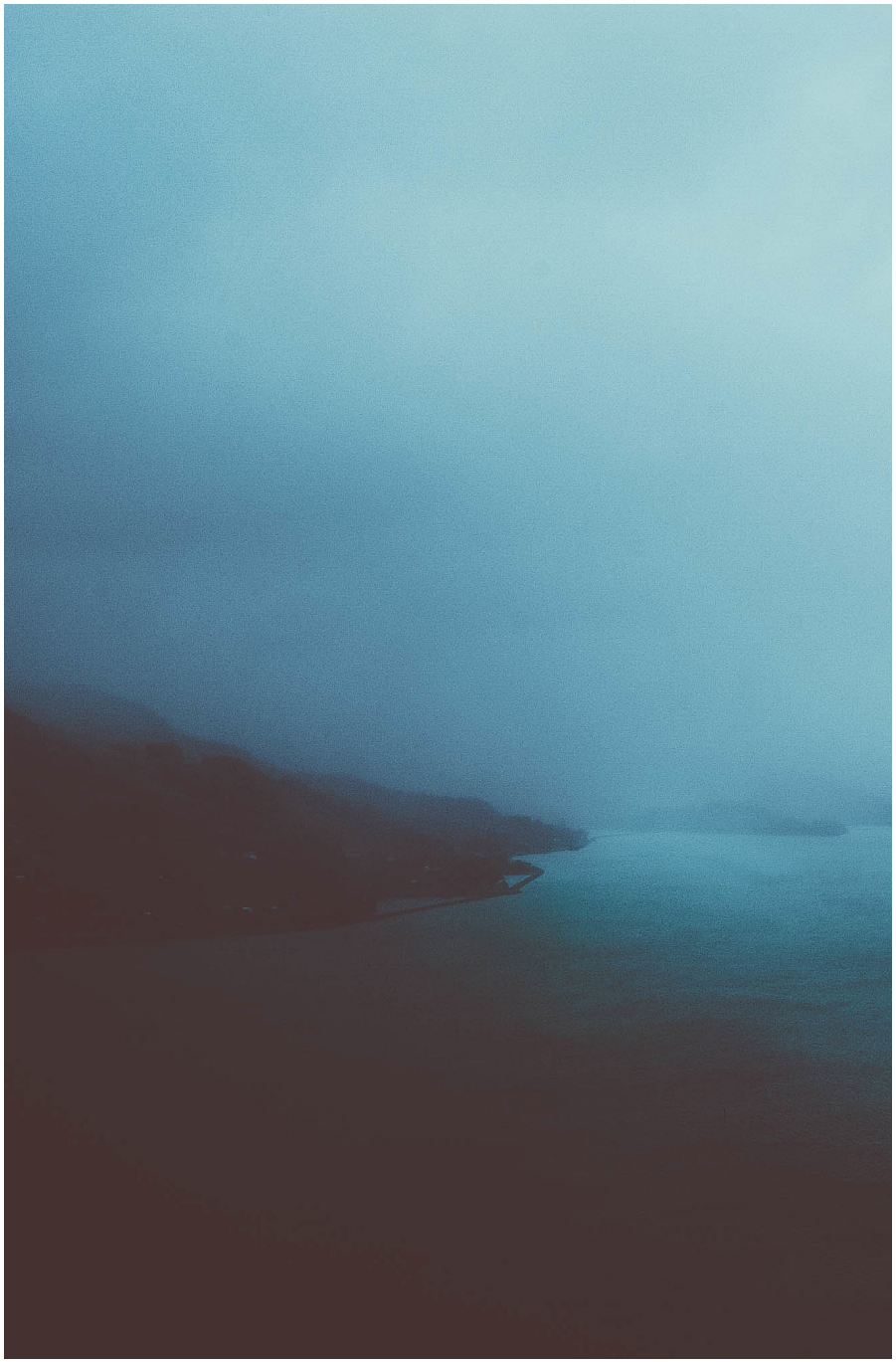
Христос примирил нас с Собой, не забирайте с собой в Новый Год ссоры. Воспользуйтесь миром Христа, чтобы примириться с обидчиками и обиженными. Сделайте этот невозможный первый шаг, сказав: «Прости меня, пожалуйста, давай помиримся». Ведь шаг этот кажется невозможным, и может быть таковым, для кого угодно, но только не для нас. Мы однажды сказали эти слова Господу – и Его мир наполнил нас.

Теперь, когда я действительно понимаю в глубине души, что Христос примирил меня с Богом, я ищу мира с другими людьми и делаю первый шаг им навстречу. И этот мир доступен нам благодаря тому, что Христос был лишён его. Самые близкие люди отвергли Христа, Его жертву и Его дар. Христос знал заранее, что Пётр предаст Его. Он знал, что Пётр отвернётся от Него… И Он всё равно умер за Петра, чтобы примирить его с Богом Отцом, а потом поговорил с Петром, чтобы дать вчерашнему предателю возможность примириться с Собой!

ПОВОД ЗАДУМАТЬСЯ О ВЕЧНОМ

Наш мир недолговечен. Мы садимся в автобус, пересаживаемся в метро или едем на работу на машине – и умиротворение куда-то улетучивается. Мы всячески пытаемся вернуть это чувство, но все попытки остаются тщетными… И так будет всегда, потому что у нас есть нерешённый конфликт с Богом и, пока мы не решим эту фундаментальную проблему в нашей жизни, нас будут преследовать тысячи больших и маленьких ссор. Миллионы обид каждый день будут разрушать наш и без того хрупкий мир.

Мы видим духовный корень проблемы. Но что удерживает нас от того, чтобы обратиться к Богу в тихой молитве покаяния и прошептать: «Прости меня… прости меня, пожалуйста… прости меня за то, что не говорю с Тобой, бегу от Тебя, скрываюсь и прячусь, за грехи мои прости меня. Спасибо Тебе за то, что не пожалел Своего Единственного Сына, умершего на кресте за мои грехи, чтобы сегодня мне назвать Тебя Своим Отцом». Если вы молились этой молитвой, ждите Рождественского чуда в своём сердце и готовьтесь к водному крещению – как вода омывает тело, так же кровь Христа омывает нашу душу от грязи греха.



НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ

ХРИСТОС В ГОСТЯХ У МУЖИКА

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ

Посвящается христианским детям

Настоящий рассказ о том, как сам Христос приходил на Рождество к мужику в гости и чему его выучил, — я слышал от одного старого сибиряка, которому это событие было близко известно. Что он мне рассказывал, то я и передам его же словами.

* * *

Наше место поселенное, но хорошее, торговое место. Отец мой в нашу сторону прибыл за крепостное время и России, а я тут и родился. Имели достатки по своему положению довольные и теперь не бедствуем. Веру держим простую, русскую[1]. Отец был начитан и меня к чтению приохотил. Который человек науку любил, тот был мне первый друг, и я готов был за него в огонь и в воду. И вот послал мне один раз Господь в утешение приятеля Тимофея Осиповича, про которого я и хочу вам рассказать, как с ним чудо было.

Тимофей Осипов прибыл к нам в молодых годах. Мне было тогда восемнадцать лет, а ему, может быть, с чем-нибудь за двадцать. Поведения Тимоша был самого непостыдного. За что он прибыл по суду на поселение -- об этом по нашему положению, щадя человека, не расспрашивают, но слышно было, что его дядя обидел. Опекуном был в его сиротство да и растратил, или взял, почти

1 То есть герой принадлежит к староверам.

все его наследство. А Тимофей; Осипов за то время был по молодым годам нетерпеливый, вышла у них с дядей ссора, и ударил он дядю оружием. По милосердию создателя, грех сего безумия не до конца совершился —Тимофей только ранил дядю в руку насквозь. По молодости Тимофея большего наказания ему не было, как из первогильдейных купцов сослан он к нам на поселение.

Именье Тимошино хотя девять частей было разграблено, но, однако, и с десятою частью еще жить было можно. Он у нас построил дом и стал жить, но в душе у него обида кипела, и долго он от всех сторонился. Сидел всегда дома, и батрак да батрачка только его и видели, а дома он все книги читал, и самые божественные. Наконец мы с ним познакомились, именно из-за книг, и я начал к нему ходить, а он меня принимал с охотою. Пришли мы друг другу по сердцу.

* * *

Родители мои попервоначалу не очень меня к нему пускали. Он им мудрен казался. Говорили: "Неизвестно, какой он такой и зачем ото всех прячется. Как бы чему худому не научил". Но я, быв родительской воле покорен, правду им говорил, отцу и матери, что ничего худого от Тимофея не слышу, а занимаемся тем, что вместе книжки читаем и о вере говорим, как по святой воле Божией жить надо, чтобы образ создателя в себе не уронить и не обесславить. Меня стали пускать к Тимофею сидеть сколько угодно, и отец мой сам к нему сходил, а потом и Тимофей Осипов к нам пришел. Увидали мои старики, что он человек хороший, и полюбили его, и очень стали жалеть, что он часто сумрачный. Воспомнит свою обиду, или особенно если ему хоть одно слово про дядю его сказать, -- весь побледнеет и после ходит смутный и руки опустит. Тогда и читать не хочет, да и в глазах вместо всегдашней ласки -- гнев горит. Честности он был примерной и умница, а к делам за тоскою своею не брался. Но скуке его Господь скоро помог: пришла ему по сердцу моя сестра, он на ней женился и перестал скучать, а начал жить да поживать и добра наживать, и в десять лет стал у всех в виду как самый капитальный человек. Дом вывел, как хоромы хорошие; всем полно, всего вдоволь и от всех в уважении, и жена добрая, а дети здоровые. Чего еще надо? Кажется, все прошлое горе позабыть можно, но он, однако, все-таки помнил свою обиду, и один раз, когда мы с ним вдвоем в тележке ехали и говорили во всяком благодушии, я его спросил:

– Как, брат Тимоша, всем ли ты теперь доволен?

– В каком, — спрашивает, — это смысле?

– Имеешь ли все то, чего в своем месте лишился?

А он сейчас весь побледнел и ни слова не ответил, только молча лошадью правил. Тогда я извинился.

– Ты, — говорю, — брат, меня прости, что я так спросил… Я думал, что лихое давно… минуло и позабылось.

– Нужды нет, — отвечает, — что оно давно… минуло — оно минуло, да все-таки помнится…

Мне его жаль стало, только не с той стороны, что он когда-нибудь больше имел, а что он в таком омрачении: Святое Писание знает и хорошо говорить о вере умеет, а к обиде такую прочную память хранит. Значит, его святое слово не пользует.

Я и задумался, так как во всем его умнее себя почитал и от него думал добрым рассуждением пользоваться, а он зло помнит… Он это заметил и говорит:

– Что ты теперь думаешь?

– А так, — говорю, — думаю что попало.

– Нет: ты это обо мне думаешь.

– И о тебе думаю.

– Что же ты обо мне, как понимаешь?

– Ты, мол, не сердись, я вот что про тебя подумал. Писание ты знаешь, а сердце твое гневно и Богу не покоряется. Есть ли тебе через это какая польза в Писании?

Тимофей не осерчал, но только грустно омрачился и лице и отвечает:

–Ты святое слово проводить не сведущ.

– Это, — говорю, — твоя правда, я не сведущ.

– Не сведущ, — говорит, — ты и в том, какие на свете обиды есть.

Я и в этом на его сдание[2] согласился, а он стал говорить, что есть таковые оскорбления, коих стерпеть нельзя, -- и рассказал мне, что он не за деньги на дядю своего столь гневен, а за другое, чего забыть нельзя.

– Век бы про это молчать хотел, но ныне тебе, — говорит, — как другу моему откроюсь.

Я говорю:

– Если это тебе может стать на пользу — откройся.

И он открыл мне, что дядя смертно огорчил его отца, свел горем в могилу его мать, оклеветал его самого и при старости своих лет улестил и угрозами понудил одних людей выдать за него, за старика, молодую девушку, которую Тимоша с детства любил и всегда себе в жену взять располагал.

– Разве, — говорит, — все это можно простить? Я его в жизнь не прощу.

– Ну да, — отвечаю, — обида твоя велика, это правда, а что Святое Писание тебя не пользует, и то не ложь.

А он мне опять напоминает, что я слабже его в Писании, и начинает доводить,

2 Сдание -- ответ, возражение.

как в Ветхом Завете святые мужи сами беззаконников не щадили[3] и даже своими руками заклали. Хотел он, бедняк, этим совесть свою передо мной оправдать.

А я по простоте своей ответил ему просто.

– Тимоша, — говорю, — ты умник, ты начитан и все знаешь, и я против тебя по Писанию отвечать не могу. Я что и читал, откроюсь тебе, не все разумею, поелику я человек грешный и ум имею тесный. Однако скажу тебе: в Ветхом Завете все ветхое и как-то рябит в уме двойственно, а в Новом -- яснее стоит. Там надо всем блистает. “Возлюби, да прости”[4], и это всего дороже, как злат ключ, который всякий замок открывает. А в чем же прощать, неужели в некоей малой провинности, а не в самой большой вине?

Он молчит.

Тогда я положил в уме: “Господи! Не угодно ли воле Твоей через меня сказать слово душе брата моего?” И говорю, как Христа били, обижали, заплевали и так учредили, что одному Ему нигде места не было, а Он всех простил.

– Последуй, — говорю, — лучше сему, а не отомстительному обычаю.

А он пошел приводить большие толкования, как кто писал, что иное простить яко бы все равно что зло приумножить.

Я на это упровергать не мог, но сказал только:

– Я-то опасаюсь, что “многие книги безумным тя творят”[5]. Ты, — говорю, — ополчись на себя. Пока ты зло помнишь – зло живо, — а пусть оно умрет, тогда и душа твоя в покос жить станет.

Тимофей выслушал меня и сильно сжал мне руку, но обширно говорить не стал, а сказал кратко:

– Не могу, оставь — мне тяжело.

Я оставил. Знал, что у него болит, и молчал, а время шло, и убыло еще шесть лет, и во все это время я за ним наблюдал и видел, что все он страдает и что если пустить его на всю свободу да если он достигнет где-нибудь своего дядю, – забудет он все Писание и поработает сатане мстительному. Но в сердце своем я был покоен, потому что виделся мне тут перст божий. Стал уже он помалу показываться, ну так, верно, и всю руку увидим. Спасет Господь моего друга от греха гнева. Но произошло это весьма удивительно.

* * *

Теперь Тимофей был у нас в ссылке шестнадцатый год, и прошло уже пятнадцать лет, как он женат. Было ему, стало быть, лет тридцать семь или восемь, и имел он трех детей и жил прекрасно. Любил он особенно цветы

3 См.: Евангелие. Деяния Святых апостолов, 2:23.

4 См.: Евангелие от Матфея, 5:44.

5 Цитата из Библии в древнерусском переводе (Екклезиаст, 12:12).

розаны и имел их у себя много и на окнах, и в палисаднике. Все место перед домом было розанами покрыто, и через их запах был весь дом в благовонии.

И была у Тимофея такая привычка, что, как близится солнце к закату, он непременно выходил в свой садик и сам охорашивал свои розаны и читал на скамеечке книгу. Больше, сколь мне известно, и то было, что он тут часто молился.

Таким точно порядком пришел он раз сюда и взял с собою Евангелие. Поогляделся розаны, а потом присел, раскрыл книгу и стал читать. Читает, как Христос пришел в гости к фарисею[6] и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жаль Его. Так жаль, что он заплакал о том, как этот богатый хозяин обошелся со святым гостем. Вот тут в эту самую минуту и случилося чуду начало, о котором Тимоша мне так говорил:

– Гляжу, — говорит, — вокруг себя и думаю: какое у меня всего изобилие и довольство, а Господь мой ходил в такой ценности и унижении… И наполнились все глаза мои слезами и никак их сморгнуть не могу; и все вокруг меня стало розовое, даже самые мои слезы. Так, вроде забытья или обморока, и воскликнул я: “Господи! Если б ты ко мне пришел — я бы тебе и себя самого отдал”.

А ему вдруг в ответ откуда-то, как в ветерке в розовом, дохнуло:

– Приду!

Тимофей с трепетом прибежал ко мне и спрашивает:

– Как ты об этом понимаешь: неужели Господь ко мне может в гости прийти?

Я отвечаю:

– Это, брат, сверх моего понимания. Как об этом, можно ли что усмотреть в Писании?

А Тимофей говорит:

– В Писании есть: “Все тот же Христос ныне и вовеки”[7], — я не смею не верить.

– Что же, — говорю, — и верь.

– Я велю что день на столе ему прибор ставить. Я плечами пожал и отвечаю:

– Ты меня не спрашивай, смотри сам лучшее, что к его воле быть может угодное, а впрочем, я и в приборе ему обиды не считаю, но только не гордо ли это?

– Сказано, — говорит, — “сей грешники приемлет и с мытарями ест”[8].

– А и то, — отвечаю, — сказано: “Господи! Я не достоин, чтобы ты взошел в дом

6 См.: Евангелие от Луки, 7: 36,44.
7 Евангелие. Послание к евреям Святого апостола Павла.
8 См.: Евангелие от Матфея, 9 : 11, от Марка, 2 : 16, от Луки, 5:30.

мой”[9]. Мне и это нравится.

Тимофей говорит: — Ты не знаешь.

– Хорошо, будь по-твоему.

* * *

Тимофей велел жене с другого же дня ставить за столом лишнее место. Как садятся они за стол пять человек -- он, да жена, да трое ребятишек, -- всегда у них шестое место и конце стола почетное, и перед ним большое кресло.

Жена любопытствовала: что это, к чему и для кого? Но Тимофей ей не все открывал. Жене и другим он говорил только, что так надо по его душевному обещанию “для первого гостя”, а настоящего, кроме его да меня, никто не знал.

Ждал Тимофей Спасителя на другой день после слова и розовом садике, ждал в третий день, потом в первое воскресенье -- но ожидания эти были без исполнения. Долгодневны и еще были его ожидания: на всякий праздник Тимофей все ждал Христа в гости и истомился тревогою, но не ослабевал в уповании, что Господь свое обещание сдержит -- придет. Открыл мне Тимофей так, что “всякий день, говорит, я молю: “Ей, гряди, Господи!” -- и ожидаю, но не слышу желанного ответа: “Ей, гряду скоро!””[10]

Разум мой недоумевал, что отвечать Тимофею, и часто я думал, что друг мой загордел и теперь за то путается в напрасном обольщении. Однако Божие смотрение о том было иначе.

* * *

Наступило Христово Рождество. Стояла лютая зима. Тимофей приходит ко мне на сочельник и говорит:

– Брат любезный, завтра я дождусь Господа.

Я к этим речам давно был безответен, и тут только спросил:

– Какое же ты имеешь в этом уверение?

– Ныне, — отвечает, — только я помолил: “Ей, гряди, Господи!” — как вся душа во мне всколыхнулася и в ней словно трубой вострубило: “Ей, гряду скоро!” Завтра его святое Рождество — и не в сей ли день он пожалует? Приди ко мне со всеми родными, а то душа моя страхом трепещет.

Я говорю:

– Тимоша! Знаешь ты, что я ни о чем этом судить не умею и Господа видеть не ожидаю, потому что я муж грешник, но ты нам свой человек — мы к тебе придем. А ты если уповательно ждешь столь великого гостя, зови не своих друзей, а сделай ему угодное товарищество.

– Понимаю, — отвечает, — и сейчас пошлю услужающих у меня и сына моего

9 Евангелие от Матфея, 8: 8.
10 Евангелие. Откровение Святого Иоанна Богослова, 22:20.

обойти села и звать всех ссыльных -- кто в нужде и в бедствии. Явит Господь дивную милость — пожалует, так встретит все по заповеди.

Мне и это слово его тоже не нравилось.

– Тимофей, — говорю, — кто может учредить все по заповеди? Одно не разумеешь, другое забудешь, а третье исполнить не можешь. Однако если все это столь сильно "трубит" в душе твоей, то да будет так, как тебе открывается. Если Господь придет, он все, чего недостанет, пополнит, и если ты кого ему надо забудешь, он недостающего и сам приведет.

Пришли мы в Рождество к Тимофею всей семьей, попозже, как ходят на званый стол. Так он звал, чтобы всех дождаться. Застали большие хоромы его полны людей всякого нашенского, сибирского, засыльного роду. Мужчины и женщины и детское поколение, всякого звания и из разных мест -- и российские, и поляки, и чухонской веры. Тимофей собрал всех бедных поселенцев, которые еще с прибытия не оправились на своем хозяйстве. Столы большие, крыты скатертями и всем, чем надобно. Батрачки бегают, квасы и чаши с пирогами расставляют. А на дворе уже смеркалося, да и ждать больше было некого: все послы домой возвратилися и гостям неоткуда больше быть, потому что на дворе поднялась мятель и вьюга, как светопреставление.

Одного только гостя нет и нет — который всех дороже.

Надо было уже и огни зажигать да и за стол садиться, потому что совсем темно понадвинуло, и все мы ждем в сумраке при одном малом свете от лампад перед иконами.

Тимофей ходил и сидел, и был, видно, в тяжкой тревоге. Все упование его поколебалось: теперь уже видное дело, что не бывать "великому гостю".

Прошла еще минута, и Тимофей вздохнул, взглянул на меня с унылостью и говорит:

– Ну, брат милый, вижу я, что либо угодно Господу оставить меня в посмеянии, либо прав ты: не умел я собрать всех, кого надо, чтоб его встретить. Будь о всем воля Божия: помолимся и сядем за стол.

Я отвечаю:

– Читай молитву.

Он стал перед иконою и вслух зачитал: "Отче наш, иже еси на небеси", а потом: "Христос рождается, славите, Христос с небес, срящите[11], Христос на земли…"

И только он это слово вымолвил, как внезапно что-то так страшно ударило со двора в стену, что даже все зашаталось, а потом сразу же прошумел шум по широким сеням, и вдруг двери в горницу сами вскрылися настежь.

* * *

11 Срящите -- встречайте.

Все люди, сколько тут было, в неописанном страхе шарахнулись в один угол, а многие упали, и только кои всех смелее на двери смотрели. А в двери на пороге стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится; а из-за него из сеней, где темно было, -- неописанный розовый свет светит, и через плечо старика вперед в хоромину выходит белая, как из снега, рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнем -- такая, как на беседе Никодима пишется… Ветер с вьюгой с надворья рвет, а огня не колышет… И светит этот огонь старику в лицо и на руку, а на руке в глаза бросается заросший старый шрам, весь побелел от стужи.

Тимофей как увидал это, вскричал:

— Господи! Вижду и приму его во имя твое, а ты сам не входи ко мне: я человек злой и грешный. -- Да с этим и поклонился лицом до земли. А с ним и я упал на землю от радости, что его настоящей христианской покорностью тронуло; и воскликнул всем вслух:

— Вонмем[12]: Христос среди нас!

А все отвечали:

– Аминь, — то есть истинно.

* * *

Тут внесли огонь; я и Тимофей восклонились от полу, а белой руки уже не видать -- только один старик остался.

Тимофей встал, взял его за обе руки и посадил на первое место. А кто он был, этот старик, может быть, вы и сами догадаетесь: это был враг Тимофея -- дядя, который всего его разорил. В кратких словах он сказал, что все у него прошло прахом: и семьи, и богатства он лишился, и ходил давно, чтобы отыскать племянника и просить у него прощения. И жаждал он этого, и боялся Тимофеева гнева, а в эту мятель сбился с пути и, замерзая, чаял смерти единой.

– Но вдруг, — говорит, — кто-то неведомый осиял меня и сказал: "Иди, согрейся на моем месте и поешь из моей чаши", взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе.

А Тимофей при всех отвечал:

– Я, дядя, твоего провожатого ведаю: это Господь, который сказал: "Аще алчет враг твой -- ухлеби его, аще жаждет -- напой его"[13]. Сядь у меня на первом месте -- ешь и пей во славу его, и будь в дому моем во всей воле до конца жизни.

С той поры старик так и остался у Тимофея и, умирая, благословил его, а Тимофей стал навсегда мирен в сердце своем.

12 Вонмем — слушайте (буквально: восслушаем).

13 Евангелие. Послание к римлянам Святого апостола Павла, 12:20.

* * *

Так научен был мужик устроить в сердце своем ясли для рожденного на земле Христа. И всякое сердце может быть такими яслями, если оно исполнило заповедь: “Любите врагов ваших, благотворите обидевшим вас”[14]. Христос придет в это сердце, как в убранную горницу, и сотворит себе там обитель.

Ей, гряди, Господи; ей, гряди скоро!

1881

14 Из заповедей Христа, обращенных к апостолам и народу Иудеи (Евангелие от Матфея, 5:44, и от Луки, 6:27).

КАК НЕ ТЕРЯТЬ РАДОСТЬ, КОГДА НИЧЕГО НЕ РАДУЕТ?

Совсем скоро, ближе к маю месяцу настанет пора выносить ёлку. Мы обожаем наряжать её, готовясь к празднику, и ненавидим убирать её, не потому, что нам лень, хотя и это конечно тоже, а потому что мы не хотим расставаться с радостью праздника!

Мы делаем всё, чтобы продлить любой праздник из-за ежедневного дефицита радости. Однако, если вдуматься, рождение Иисуса Христа всё меняет в нашей жизни, ставя радость во главу угла. Гилберт Кийт Честертон в самом конце своей книги «Ортодоксия» приходит к интересному выводу: для Христианина радость в жизни первостепенна, а скорбь второстепенна, потому что у него есть ответы на фундаментальные вопросы бытия.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

2:8 Неподалеку были пастухи, которые жили в поле и стерегли ночью свое стадо.
9 Вдруг перед ними предстал ангел Господа, окруженный сиянием Господней
славы. Пастухи очень испугались, 10 но ангел сказал им: «Не бойтесь. Я пришел
сообщить вам весть, что принесет великую радость всему народу! 11 Сегодня
в городе Давида родился ваш Спаситель – Христос, Господь! 12 Вот вам знак:
вы найдете Младенца, запеленатого и лежащего в кормушке. 13 И вдруг к
ангелу присоединилось многочисленное небесное воинство, славившее Бога
и восклицавшее: «14 Слава Богу в вышине небес! А на земле мир людям, к
которым Он благоволит! 15 Когда ангелы ушли от них на небеса, пастухи
сказали друг другу: «Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там произошло, о
чем это нам объявил Господь». 16 Они поспешили туда и нашли Марию, Иосифа
и Младенца, лежащего в кормушке для скота. 17 Когда они Его увидели, то
рассказали все, что им было сказано об этом Младенце. 18 Все, кто слушал,
удивлялись рассказу пастухов, 19 а Мария все запоминала и размышляла об
этом. 20 Пастухи возвратились, прославляя и восхваляя Бога за все, что они
видели и слышали: все оказалось точно так, как им и было сказано.

Евангелие от Луки 2:8-20

28:20 Я буду с вами всё время, до скончания века...

Евангелие от Матфея 28:20

Рождественская история начинается с того, что пастухи были настолько рядом с «великой радостью», что и не догадывались об этом. Именно поэтому знамение, что пастухам дают ангелы, является таким обыденным – «вы найдёте Младенца, запеленатого и лежащего в кормушке». Представьте себе на мгновение: совершенно сверхъестественное явление ангелов пастухам в сиянии славы небес, из которого они говорят о совершенно бытовом факте – самый обычный малыш, в самой незаурядной кормушке для скота... Но в этом знамении кроется огромный символизм для нас. **Рождество говорит нам о том, что радость намного ближе к нам, чем мы привыкли об этом думать**. Более того, совершенно не случайно, что именно пастухи, столь хорошо знакомые с кормушками для скота, находят в одной из них Младенца Христа. Господь говорит, что теперь благодаря той радости, что Он даёт нам, мы сможем находить радость в совершенно неожиданных местах, как например, наша работа, которая до недавнего времени была для нас лишь источником стресса.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

16:20 Говорю вам истину, вы будете плакать и рыдать в то время, когда мир будет радоваться. Вы будете скорбеть, но скорбь ваша обратится в радость. 21 Когда женщине подходит время родить, у нее начинаются боли, но как только ребенок родится, она забывает боль от радости, что в мир родился человек! 22 Так и с вами, сейчас у вас время скорби, но когда Я снова вас увижу и вы обрадуетесь, никто больше уже не отнимет вашей радости.

Евангелие от Иоанна 16:20-22

Радость — это одна из основных положительных эмоций человека, то ощущение удовольствия и счастья, то состояние души, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворённости не только условиями своей жизни, но и осмысленностью своего существования. Любой человек радуется, когда его радуют сиюминутные условия его жизни. Но лишь тот, кто доверился Богу, кто обрёл прощение грехов, кто знает, что в вечности его ждёт рай, лишь он может радоваться, потому что получил ответы на самые важные вопросы жизни. Гилберт Кийт Честертон пишет именно об этом в самом конце своей книги «*Ортодоксия*», когда приходит к выводу, что **для Христианина радость является чем-то основным в жизни, в то время как скорбь отодвинута на второй план**. Даже в том случае, когда у верующего нет ответов на все вопросы, с которыми каждый из нас сталкивается ежедневно, он не теряет этой радости, потому что он знает ответы на самые важные вопросы своей жизни: что грехи его прощены, что у жизни есть смысл, что Он любим Богом и бесценен в глазах Творца. Без всего этого грусть и печаль будут занимать центральное место в нашей жизни, а радость будет редким гостем во время каникул, отпуска или праздников.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

ОДНА ЕСТЬ В МИРЕ КРАСОТА...

Одна есть в мире красота.
Не красота богов Эллады,
И не влюбленная мечта,
Не гор тяжелые громады,
И не моря, не водопады,
Не взоров женских чистота.
Одна есть в мире красота -
Любви, печали, отреченья
И добровольные мученья
За нас распятого Христа.

1893

СЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

4:4 Всегда радуйтесь в Господе, и я еще раз говорю: радуйтесь! 5 Пусть ваша кротость будет известна всем людям. Господь близко. 6 Не заботьтесь ни о чем, но во всем, через молитву и прошение, с благодарностью открывайте ваши просьбы Богу. 7 Тогда мир Божий, превосходящий всякое понимание, сохранит ваши сердца и умы в единении со Христом Иисусом.

Послание Филиппийцам 4:4-7

5:16 Всегда радуйтесь, 17 постоянно молитесь, 18 при любых обстоятельствах будьте благодарны Богу, потому что в этом воля Божья в Иисусе Христе для вас.

1 Послание Фессалоникийцам 5:16-18

Что крадёт нашу радость? От чего мы не замечаем радость рядом с нами? Давайте посмотрим лишь на две причины из массы возможных. Это может происходить от того, что нам либо завидно, либо стыдно. Когда мы завидуем, мы смотрим на то, что есть у других людей, их карьера, успех, семья, благосостояние или благочестие, что бы это ни было, и начинаем думать о том, что и сами заслуживаем большего, что мы достойны совсем другой жизни, чем та, что у нас есть. Очень сложно радоваться жизни, когда испытываешь подобные чувства. Но с другой стороны, нам может быть стыдно за то, что люди голодают, что у столь многих людей нет крова, что так много сирот, что есть люди, кто заслужил быть в более комфортных условиях. И в таких ситуациях нам тоже очень сложно радоваться.

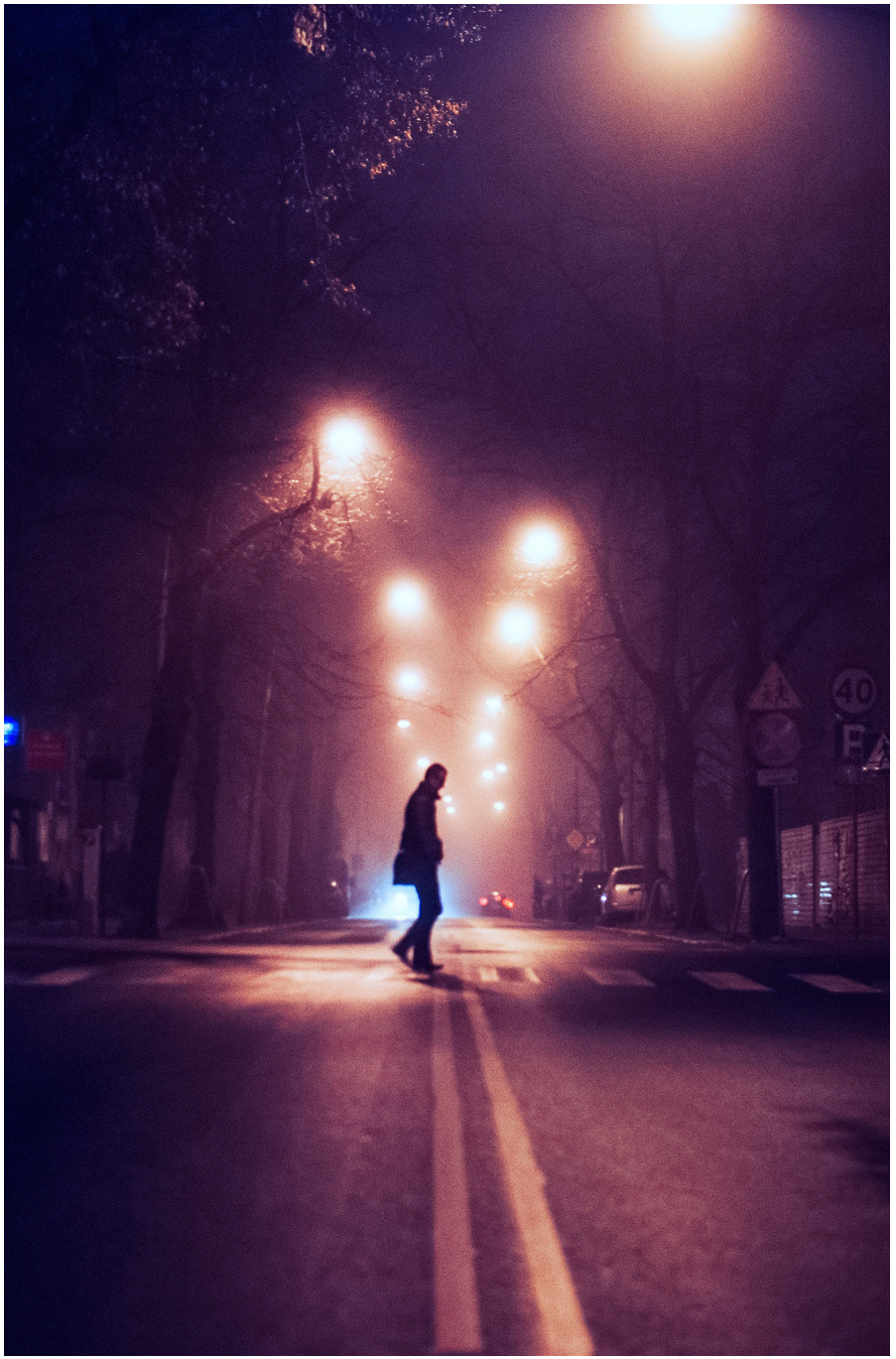
Радость всегда рядом с нами, проблема лишь в том, что мы не останавливаемся достаточно долго, чтобы её заметить. **Мы можем завидовать другим, засматриваясь на то, что они имеют, или начать благодарить Господа за то, что есть у нас. Мы можем испытывать чувство вины за то, что у нас есть, либо вместо этого мы можем тоже благодарить Господа.** И вот тогда, когда мы переходим к благодарности, тогда мы и начинаем замечать то, что Господь нам дал в жизни.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

13:44 Царство Небесное можно сравнить со спрятанным в поле кладом. Когда человек находит тот клад, он прячет его и, радостный, идет и продает все, что имеет, для того, чтобы купить это поле. 45 Еще Царство Небесное подобно купцу, который ищет прекрасный жемчуг. 46 Найдя драгоценную жемчужину, он продает все, что имеет, ради того, чтобы купить ее одну.

Евангелие от Матфея 13:44-46

В течение своей жизни Спаситель несколько раз напоминает нам, что радости без риска не бывает. Он говорит об этом в притче о нерадивом слуге, чей грех заключался именно в том, что он решил не рисковать, а просто закопать то, что было вверено ему (см. Евангелие от Матфея 25:14-30). Иисус говорит об этом в притче о поле и кладе, когда сравнивает Божье царство с полем, на котором зарыт клад, ради которого человек продаёт всё, чтобы купить это поле. Он сравнивает царство Божие с драгоценной жемчужиной, для приобретения которой нужно продать всё, что имеешь. Раз за разом, образ за образом, Иисус говорит о том, что **радость, которую мы испытываем от спасения, не даётся просто так. Мы обретаем её лишь тогда, когда рискуем довериться Богу так, как не доверяли прежде**.



АЛЕКСАНДР БЛОК

БЫЛ ВЕЧЕР ПОЗДНИЙ И БАГРОВЫЙ

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый -
Младенца Дева родила.
На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.
И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.
Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искариота
Улыбку видели гонцы.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

5:22 Плод же Духа – это любовь, радость, мир, долготерпение, великодушие, доброта, верность, 23 кротость, умение владеть собой. В Законе нет ничего против этого.

Послание Галатам 5:22-23

2:1 Иисус родился в иудейском городе Вифлееме во времена правления царя Ирода. После рождения Иисуса в Иерусалим пришли мудрецы с востока. 2 Они спрашивали людей: «Где новорожденный Царь иудеев? Мы видели Его звезду на востоке и пришли поклониться Ему. 3 Услышав об этом, царь Ирод встревожился, а с ним и весь Иерусалим. 4 Он созвал к себе всех первосвященников и учителей Закона и спросил их, где должен был родиться Христос. «5 В иудейском Вифлееме», – ответили ему, – «потому что так написано у пророка: "6 И ты, Вифлеем, в земле Иудеи, ты вовсе не наименьший среди главных городов Иудеи. Из тебя выйдет Правитель, Который будет пасти народ Мой Израиль"». 7 Тогда Ирод тайно пригласил к себе мудрецов и узнал у них точное время появления звезды. 8 Он отослал их в Вифлеем с наказом: «Идите и тщательно разузнайте все о Младенце. Когда вы Его найдете, известите меня, чтобы и я смог пойти и поклониться Ему». 9 Выслушав наказ царя, они отправились в путь. Звезда, которую они видели на востоке, шла впереди них, пока наконец не остановилась над местом, где был Младенец. 10 Увидев звезду, мудрецы очень сильно обрадовались. 11 Когда они вошли в дом и увидели Младенца и Его мать Марию, они, павши, поклонились Ему и, открыв свои сокровища, поднесли Ему подарки: золото, ладан и смирну. 12 Но во сне они были предупреждены о том, что им нельзя возвращаться к Ироду, и вернулись в свою страну другим путем.

Евангелие от Матфея 2:1-12

Радость – это привычка, требующая усилий и времени, а не просто состояние души, появляющееся само по себе. Она рождается тогда, когда мы постоянно в молитве возвращаем контроль над нашей жизнью Святому Духу. Привычки не появляются за один день, они требуют времени. Нам довольно сложно привыкнуть к тому, что теперь всё в нашей жизни будет по-другому, и радость теперь в ней будет занимать центральное место – для этого нужно время.

Волхвы тратят месяцы, скорей всего, даже больше года на свой весьма непростой путь, потому что движимы целью – поклониться только что родившемуся Христу. Вот почему они исполнены такой радостью, когда наконец-то видят ребёнка, радостью, которую не удастся скрыть, которой нельзя не делиться, о которой невозможно молчать. Она влияет на все сферы нашей жизни, преображая каждую из них.

ДВАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

12:2 Будем неотрывно смотреть на Иисуса. От начала до конца наша вера зависит от Него. Он ради предстоящей радости претерпел смерть на кресте, пренебрегши позор, и сейчас сидит по правую сторону от Божьего престола. 3 Подумайте о Нем, испытавшем такую вражду со стороны грешников, и это поможет вам не изнемочь душою и не потерять присутствия духа.

Послание Евреям 12:2-3

Все мы радуемся дорогим вещам, особенно, если получаем их в подарок. Очень часто бывает так, что чем выше цена, заплаченная за подарок, тем больше наша радость. Совершенно не хочется признаваться в такой меркантильности, но, к сожалению, так часто мы ведём себя именно так. Это происходит в том числе ещё и потому, что подспудно мы видим отражение собственной ценности в том, какую цену другой готовы люди заплатить за подарок нам. Именно поэтому автор Послания Евреям и напоминает своим читателям о том, что они могут испытать радость даже посреди трудностей лишь тогда, когда будут неотрывно смотреть на Иисуса. **Та радость, что занимает центральное место в жизни Христианина не появляется из ниоткуда. Она рождается в ужасных условиях, в хлеву, посреди животных**. Она обретает кровь и плоть Иисуса Христа лишь для того, чтобы умереть в ужасных муках в конце своей жизни. Это цена нашей свободы, и нас должно шокировать и радовать одновременно, что Бог Отец заплатил её.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

9:2 Народ, идущий во тьме, увидел великий свет; на живущих в стране смертной
тени воссиял свет. 3 Ты умножил народ, увеличил их радость; они радуются
пред Тобой, как радуются во время жатвы… 6 Ведь Младенец родился нам,
Сын дан нам! На плечи Его будет возложена власть… 7 Умножению власти Его
и мира нет конца; правит Он на престоле Давида царством Его, утверждая
и поддерживая его правосудием и праведностью отныне и вовеки. Ревность
Господа Сил сделает это.

Книга пророка Исайи 9:2-3, 6-7

Всю нашу жизнь нас преследует этот «первый день». Первый день в школе после каникул, первый день на работе после отпуска, первый день после праздников, первый день после того, как потерял близкого и родного человека. Когда кажется, что всё по-старому, но вот наступает этот новый первый день, когда ты вдруг понимаешь, что твоя жизнь никогда больше не будет прежней, и с этим осознанием утраты теперь придётся жить каждый день. **У всех нас были такие «первые дни», и они будут бередить нам душу, пока мы не заменим их на другой первый день – первый день после того, как мы приняли Христа и Его дар прощения наших грехов**. Это решение повернуться лицом к Богу меняет абсолютно всё в нашей жизни, ставя радость во главу угла, и до тех пор, пока мы не примем это решение, скорбь будет в центре нашего бытия.

ПОВОД ЗАДУМАТЬСЯ О ВЕЧНОМ

Всю жизнь нас преследует горький «первый день». Первый после каникул, первый день после отпуска, первый день после праздников… Когда кажется, что всё вернулось на круги своя, а ведь ещё вчера вроде бы было по-новому! У всех у нас были такие «первые дни», и они будут бередить нам душу до тех пор, пока мы не заменим их на другой первый день – первый день после того, как мы приняли Христа и Его дар прощения грехов.

Что удерживает вас от шага навстречу Богу? Обратитесь к Нему в тихой молитве покаяния, попросите прощение за свои грехи, поблагодарите Его за то, что Он претерпел на кресте и пригласите Его стать Царём вашей жизни. Скорбь, дискомфорт и жалость к самим себе отойдут на второй план, потому что центром мира станет Сам Бог. Это единственное Рождественское чудо, которого стоит ждать и о котором стоит просить…

САША ЧЁРНЫЙ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ АНГЕЛ

— Подайте, Христа — ради, милостыньку! Милостыньку, Христа — ради!..

Никто не слышал этих жалобных слов, никто не обращал внимания на слезы, звучавшие в словах бедно-одетой женщины, одиноко стоявшей на углу большой и оживленной городской улицы.

— Подайте милостыньку!..

Прохожие торопливо шагали мимо ее, с шумом неслись экипажи по снежной дороге. Кругом слышался смех, оживленный говор…

На землю спускалась святая, великая ночь под Рождество Христово. Она сияла звездами, окутывала город таинственной мглой.

Милостыньку… не себе, деткам моим прошу…

Голос женщины вдруг оборвался, и она тихо заплакала, Дрожа под своими лохмотьями, она вытирала слезы окоченевшими пальцами, но они снова лились по ее исхудалым щекам. Никому не было до нее дела…

Да она и сама не думала о себе, о том, что совсем замерзла, что с утра не ела ни крошки… Вся мысль ее принадлежала детям, сердце болело за них…

Сидят они, бедные, там, в холодной темной конуре, голодные, иззябшие… и ждут ее… Что она принесет или что скажет? Завтра великий праздник, всем детям веселье, только ее бедные детки голодны и несчастны.

Что делать ей? Что делать? Все последнее время она работала, как могла,

надрывала последние силы…

Потом слегла и потеряла последнюю работу…

Подошел праздник, ей негде взять куска хлеба…

О, детки, бедные детки! Ради них, она решилась, в первый раз в жизни, просить милостыню… Рука не поднималась, язык не поворачивался… Но мысль, что дети ее есть хотят, что они встретят праздник — голодные, несчастные, эта мысль мучила ее, как пытка. Она готова была на все. И за несколько часов ей удалось набрать несколько копеек… Несчастные дети! У других детей — елка, они — веселы, довольны в этот великий праздник, только ее -дети…

«Милостыньку, добрые люди, подайте! Подайте, — Христа — ради!».

И словно в ответ на ее отчаяние, неподалеку раздался благовест… ко всенощной. Да, надо пойти, помолиться… Быть может, молитва облегчит ее душу… Она помолится усердно о них, о детях… Неверными шагами доплелась она до церкви…

Храм освещен, залит огнями… Всюду масса людей… веселые довольные лица. Притаившись в уголке, она упала на колени и замерла… Вся безграничная, материнская любовь, вся ее скорбь о детях вылилась в горячей молитве, в глухих скорбных рыданиях. «Господи, помоги! Помоги!» плачет она. И кому, как не Господу Покровителю и Защитнику слабых и несчастных, вылить ей все свое горе, всю душевную боль свою? Тихо молилась она в уголке, и слезы градом лились по бедному лицу.

Она не заметила, как кончилась всенощная, не видела, как к ней подошел кто-то…

— О чем вы плачете? — раздался за ней нежный голос, показавшийся ей небесной музыкой.

Она очнулась, подняла глаза и увидала перед собой маленькую, богато одетую девочку. На нее глядели с милым участием ясные детские глазки. Сзади девочки стояла старушка-няня.

— У вас есть горе? Да? Бедная вы, бедная! Эти слова, сказанные нежным, детским голосом, глубоко тронули ее.

Горе! Детки у меня голодны, с утра не ели… Завтра праздник такой… великий…

— Не ели? Голодны? — На лице девочки выразился ужас.

— Няня, что же это! Дети не ели ничего! И завтра будут голодны! Нянечка! Как же это?

Маленькая детская ручка скользнула в муфту.

— Вот, возьмите, тут есть деньги… сколько, я не знаю… покормите детей… ради Бога… Ах, няня, это ужасно! Они ничего не ели! Разве это можно, няня!

На глазах девочки навернулись крупные слезы.

— Чтож, Маничка, делать! Бедность у них! И сидят, бедные, в голоде да в холоде. Ждут, не поможет-ли им Господь!

— Ах, няничка, мне жаль их! Где вы живете, сколько у вас детей?

— Муж умер — с полгода будет… Трое ребят на руках осталось. Работать не могла, хворала все время… Вот и пришлось с рукой по миру идти… Живем мы, недалеко… вот тут… в подвале, на углу, в большом каменном доме купца Осипова…

— Няня, почти рядом с нами, а я и не знала! .. Пойдем скорее, теперь я знаю, что надо делать!

Девочка быстро вышла из церкви, в сопровождении старухи.

Бедная женщина машинально пошла за ними. В кошельке, который был у нее в руках, лежала пятирублевая бумажка. Забыв все, кроме того, что она может теперь согреть и накормить дорогих ребяток, она зашла в лавку, купила провизии, хлеба, чаю, сахару и побежала домой. Щеп осталось еще довольно, печку истопить ими хватит.

Она бежала домой из всех сил.

Вот и темная конурка. Три детских фигурки бросились к ней на встречу.

— Маминька! Есть хочется! Принесла ли ты! Родная!

— Она обняла их всех троих и облила слезами.

— Послал Господь! Надя, затопи печку, Петюша, ставь самовар! Погреемся, поедим, ради великого праздника!

В конурке, сырой и мрачной, наступил праздник. Дети были веселы, согрелись и болтали. Мать радовалась их оживлению, их болтовне. Только изредка приходила в голову печальная мысль… что же дальше? Что дальше будет?

— Ну, Господь не оставит! — Говорила она себе, возлагая всю надежду на Бога.

Маленькая Надя тихо подошла к матери, прижалась к ней и заговорила.

— Скажи мама, правда, что в рождественскую ночь с неба слетает рождественский ангел и приносит подарки бедным детям! Скажи, мама!

Мальчики тоже подошли к матери. И желая утешить детей, она начала им рассказывать, что Господь заботится о бедных детях и посылает им Своего ангела в великую, рождественскую ночь, и этот ангел приносит им подарки и гостинцы!

— И елку, мама?

— И елку, детки, хорошую, блестящую елку! В дверь подвала кто-то стукнул. Дети бросились отворить. Показался мужик, с маленькой зеленой елкой в руках. За ним хорошенькая, белокурая девочка с корзиной, в сопровождении няни, несшей за ней разные свертки и пакеты.

Дети робко прижались к матери.

— Это ангел, мама, это ангел? — тихо шептали они, благоговейно смотря на хорошенькую нарядную девочку.

Елка давно стояла уже на полу. Старуха няня развязала пакеты, вытащила из них вкусные булочки, кренделя, сыр, масло, яйца, убирала елку свечами и гостинцами. Дети все еще не могли прийти в себя. Они любовались на “ангела”. И молчали, не двигаясь с места.

— Вот вам, встречайте весело Рождество! — прозвучал детский голосок. С праздником!

Девочка поставила на стол корзину и исчезла, прежде чем дети и мать опомнились и пришли в себя.

“Рождественский ангел” прилетел, принес детям елку, гостинцы, радость и исчез, как лучезарное виденье…

Дома Маню ждала мама, горячо обняла ее и прижала к себе.

— Добрая моя девочка! — говорила она, целуя счастливое личико дочери. Ты отказалась сама от елки, от гостинцев и все отдала бедным детям! Золотое у тебя сердечко! Бог наградит тебя…

«Маня осталась без елки и подарков, но вся сияла счастьем. С своим милым личиком, золотистыми волосами она в самом деле походила на “рождественского ангела”».

КАК ЛЮБИТЬ И БЫТЬ ЛЮБИМЫМ?

Всем детям и взрослым, выросшим в нашей стране, известна сказка Ганса Христиана Андерсена «Снежная королева». Кто-то знает её благодаря мультфильму, кто-то - благодаря фильму, кто-то безусловно книжку прочитал, а кто-то просто так часто своих детей на различные новогодние ёлки водил, что выучил сюжет сказки наизусть. И вот что интересно – советская цензура изо всех сил старалась лишить эту сказку каких-либо Христианских мотивов. Поэтому мы не знали, что Кай и Герта летом поют о Христе, когда выращивают розы: «*Уж розы в долинах цветут, Младенец-Христос с нами тут*».

Мы даже и не догадывались о том, что дети поют этот церковный гимн летом не только в ожидании Рождества, но и предвкушая второе пришествие Христа. Мы не знали, что, столкнувшись со снежной бурей, Герта смогла её преодолеть, не потому что была целеустремлённой девочкой, а потому что в отчаянии начала читать молитву «Отче наш» и ангелы спустились с небес, чтобы провести её к Каю. Всё это было потеряно для нас, вычеркнуто из сказки. Тем удивительнее то, что как ни старалась советская цензура, она так и не смогла изменить самое главное – отражение Евангелия буквально в каждой строчке этой сказки. В чём её суть? В том, что злой тролль создал зеркало, которое всё красивое делало ужасным, а всё ужасное прекрасным. Однажды это зеркало разбилось, и осколки его разлетелись, попадая, кому в глаза, а кому и в сердце, и люди больше не могли видеть красоту, они не могли любить и быть любимыми. Все мы поражены этими осколками греха, не дающими нам любить и быть любимым, хоть мы и хотим этого более всего.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ДЕНЬ

1:1 В начале было Слово… 3 Все, что существует, было сотворено через Него, и
без Него ничто из того, что есть, не начало существовать. 4 В Нем заключена
жизнь, и эта жизнь – Свет человечеству. 5 Свет светит во тьме, и тьма не
поглотила Его…

Евангелие от Иоанна 1:1, 3-5

138:1 Господи, Ты… знаешь меня… 4 Нет еще слова на моих устах, но Ты, Господи,
его уже знаешь. 6 Ведение Твое удивительно для меня, слишком велико для
моего понимания… 13 Ты создал все внутренности мои, в материнской утробе
соткал меня. 14 Буду славить Тебя за то, что я так дивно устроен. Чудесны Твои
дела, душа моя сознает это вполне. 15 Мои кости не были сокрыты от Тебя,
когда я был в тайне сотворен, образован в глубине материнской утробы. 16
Твои глаза видели мой зародыш, и в книге Твоей все мои дни были записаны,
когда ни одного из них еще и не было.

Псалом 138:1, 4, 6, 13-16

Чаще всего во время разрыва отношений можно услышать фразу: «Ты не понимаешь меня! Ты не знаешь, что я чувствую, что я переживаю сейчас, о чём волнуюсь, что меня беспокоит, ты не понимаешь меня, и потому нам стоит прекратить отношения». Совершенно не случайно Евангелист Иоанн начинает своё Рождественское повествование со слов настолько высоких и глубоких, что кажется, что к Рождеству они имеют опосредованное отношение.

Но это совсем не так! Наоборот, Иоанн начинает с того, что мы никогда не сможем сказать Господу: «Ты не понимаешь меня!» Рождество напоминает нам о том, что Господь понимает нас так, как никто другой. Он знает нас, потому что Он создал нас. Бог - это не просто далёкий Творец, Он – Бог, вошедший в наш мир. **Нет никого, кто бы знал нас так, как знает нас Господь Бог. От того ещё удивительнее, что нет никого, кто любил бы нас так сильно, как любит нас Творец**.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ДЕНЬ

1:4 В Нем заключена жизнь, и эта жизнь – Свет человечеству. 5 Свет светит во тьме, и тьма не поглотила Его…

Евангелие от Иоанна 1:4-5

4:14 У нас есть великий Первосвященник, прошедший небеса, – Иисус, Сын Божий. Поэтому давайте твердо держаться истины, которую мы и исповедуем. 15 Наш Первосвященник не из тех, кто не может сочувствовать нам в наших слабостях. Он был искушен во всем, как и мы, за исключением греха. 16 Поэтому давайте приблизимся смело к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для своевременной помощи.

Послание Евреям 4:14-16

Господь, наконец-то, входит в наш с вами мир. Он не просто Слово, благодаря которому всё сотворено, но Он – Слово, что обрело кровь и плоть. Он не просто Свет – Он – это Свет, что вошёл в нашу с вами тьму. Он знает всё то, через что мы с вами проходим, потому что Он испытал это на себе. Наши трудности? Он пережил их сам. Искушения? Он преодолел их. Он прожил жизнь так, как проживаем её мы каждый день. Никто и никогда не сможет сказать Богу: «Ты просто не понимаешь, как я себя чувствую сейчас!» Он на Себе испытал всё - От вершины счастья и до самой глубокой бездны отчаянья. Господь видит нас, каждый день, Он не отводит взгляд от Своих горячо любимых детей. **Господь не только знает нас в мельчайших подробностях, деталях и особенностях характера, но Он и понимает абсолютно всё, через что мы проходим каждый день**.

АФАНАСИЙ ФЕТ

НОЧЬ ТИХА

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат.
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.
Ни ушей, ни взоров лишних, -
Вот пропели петухи -
И за ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.
Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик.

Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник, -
И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари Востока
Злато, смирну и ливан.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТЫЙ ДЕНЬ

1:9 Был истинный Свет, Который просвещает каждого человека, приходящего в мир. 10 Он был в мире, который через Него был создан, но мир не узнал Его. 11 Он пришел к Своим, но Свои не приняли Его. 12 Но всем тем, кто Его принял и кто поверил в Его имя, Он дал власть стать детьми Божьими – 13 детьми, рожденными не от крови, не от желаний или намерений человека, а рожденными от Бога.

Евангелие от Иоанна 1:9-13

53:3 Он был презрен и отвергнут людьми, человек скорбей, знакомый с недугом. Как тот, от кого прячут лица, Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. 4 Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши скорби. Мы же думали: разит Его Бог за грехи Его, бьет Его – вот Он и мучается. 5 А Он был изранен за наши грехи, сокрушаем за наши беззакония; Он понес наказание, чтобы мы получили мир, и ранами Его мы исцелились.

Книга Пророка Исайи 53:3-5

Мы жаждем понимания, но одновременно и страшимся его более всего. Что, если меня узнают таким, какой я есть, и отвергнут? И потому мы постоянно выстраиваем фасад, прячемся за масками, всеми правдами и неправдами сооружаем вокруг себя придуманные конструкции, которые должны сделать нас более привлекательными. Мы все делаем это, потому что мы все боимся того, что, если только нас узнают такими, какие мы есть, нас отвергнут. Иногда страх настолько велик, что мы отталкиваем от себя тех, кто любит нас, просто потому, что мы страшимся, что они однажды отвергнут нас. Кто знает, может быть, именно поэтому мы порой отвергаем Бога? Мы просто боимся Его любви… Но, **если только мы доверимся Христу, позволим себе принять то, что кто-то может нас знать так хорошо и всё равно любить так страстно, мы ощутим, что приняты в Божью семью, что стали Всемогущему Создателю сыновьями и дочерями**.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ДЕНЬ

4:16 Мы узнали и поверили, что Бог нас любит. Бог есть любовь, и тот, кто
пребывает в любви, пребывает в Боге, и Бог пребывает в нем. 17 Любовь
достигла среди нас совершенства, так что мы можем со всей уверенностью
встречать День Суда, потому что каков Он, таковы и мы в этом мире. 18 В любви
нет страха, но совершенная любовь прогоняет его, потому что страх связан с
наказанием, и кто боится, тот еще не достиг совершенства в любви.

Первое послание Иоанна 4:16-18

Настоящая любовь меняет нас. Она заключается не только в том, что мы поняты или приняты, но ещё и в том, что кто-то верит в нас, считая, что мы будем лучше. Перемены эти достигаются не нашими усилиями, они происходят именно благодаря тому, что мы поняты и приняты. Мы горячо любимы Богом, и теперь стали сынами и дочерьми Творца. Подобная любовь изгоняет страх, заменяя его доверием. Так, молоденькая девочка, совсем ещё подросток, Мария, узнав, что она беременна, испугалась последствий. Даже сегодня беременность школьницы воспринимается как скандал, зачастую ведущий к тому, что с девочкой перестают общаться. Но, приняв то, что Бог любит её, Мария смогла побороть страх и довериться Господу и Его замыслу. Жених Марии, Иосиф, узнав о том, что его невеста ждёт ребёнка, также испугался. Страшно доверять своей невесте, как бы сильно ты её ни любил, если она беременна от другого. Страшно, что теперь о тебе подумают люди вокруг. Поэтому он сперва хотел отпустить Марию, но благодаря любви Творца смог довериться Богу и Его замыслу. Их жизнь не была простой после этого. Проблемы не исчезли сами по себе. Но страха больше не было, потому что была любовь Творца. Мы меняемся, когда впускаем в нашу жизнь любовь Бога.

ИОСИФ БРОДСКИЙ

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА

В холодную пору в местности, привычной
скорее к жаре, чем к холоду, к плоской
поверхности более, чем к горе,
Младенец родился в пещере, чтоб мир спасти;
мело, как только в пустыне может зимой мести.
Ему все казалось огромным:
грудь матери, желтый пар
из воловьих ноздрей, волхвы Балтазар, Гаспар,
Мельхиор; их подарки, втащенные сюда.
Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда.
Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребенка издалека,
из глубины Вселенной, с другого ее конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ДЕНЬ

4:19 Мы любим потому, что Он первый нас полюбил. 20 Кто говорит: «Я люблю Бога», но ненавидит своего брата, тот лжец. Кто не любит своего брата, которого он видел, тот не может любить Бога, Которого не видел. 21 И вот повеление, которое Он нам оставил: «Кто любит Бога, тот должен любить и своего брата».

Первое послание Иоанна 4:19-21

Мы любим тогда, когда мы горячо любимы. Именно поэтому раз за разом Христос напоминает нам не только о том, что мы любимы, но что теперь мы можем любить тех, кто нас окружает, даже наших врагов. То есть наша проблема не просто в том, что мы не любим наш город, не любим людей вокруг нас. Наша проблема в том, что мы не позволяем себе быть любимыми Христом настолько, чтобы любовь эта изливалась на всех вокруг нас. Это происходит, потому что Бог для нас является Кем-то далёким, чьё расположение мы должны заслужить своими хорошими поступками. Но Господь совсем близко с каждым из нас, и Он жаждет, чтобы мы показали Его тем нашим друзьям, кто отчаянно пытается от Него спрятаться. Рождение Христа – это не просто историческое событие. Сегодня, позволяя себе быть любимым Богом, мы продолжаем являть миру Христа тем, как мы любим тех, кто вокруг нас.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

5:6 Когда мы еще были беспомощными, Христос в определенное время умер
за нечестивых. 7 Ведь вряд ли кто отдаст свою жизнь даже за праведника,
хотя, может быть, кто-то и решится умереть за доброго человека. 8 Но Бог
проявил Свою любовь к нам в том, что Христос умер за нас, когда мы были
еще грешниками.

Послание Римлянам 8:35-39

Мы привыкли к контрактным отношениям. Если нас любят, то за что-то. Если мы любим кого-то, то по весьма веским причинам. Поэтому так часто мы приходим к Богу исключительно на договорных условиях. Мы даём Ему то, что, как нам кажется, Ему нужно – более или менее хорошее поведение, относительно регулярное посещение церкви, периодические всплески щедрости и благотворительности, ну и, конечно, редкие пожертвования, потому что все знают, что Богу от чего-то всегда не хватает денег. Взамен мы ожидаем рог изобилия благословений, счастья и умиротворения, потому что мы себя так хорошо вели весь предыдущий год. В условиях этого контракта есть определённое спокойствие, поскольку Бог не может нас попросить о чём угодно. «Что угодно» просто не включено в условия договора.

Но любовь ли это? Ведь в таких отношениях совсем нет страсти, той самой, что покоряет нас, завораживает нас, той самой, без которой и жизнь не жизнь. **Господь любит нас горячо и страстно, страсть эта приводит Его на крест, и страсти этой Он ждёт и от нас**. А потому перед всеми нами стоит простой выбор: «*Принять эту страсть, чтобы жить в любви, или и дальше жить в страхе любить и быть любимым*».

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ДЕНЬ

13:1 Если я говорю языками человеческими и ангельскими, но во мне нет любви,
то я в таком случае не что иное, как звенящая медь, как бряцающие тарелки. 2
Если у меня есть дар пророчества и я знаю все тайны, если мне даны все знания
и у меня есть вера, способная передвигать горы, а нет любви, то я ничто. 3 Если
я раздам все свое имущество и отдам мое тело на сожжение, но во мне нет
любви, то ничто мне не поможет. 4 Любовь терпелива, добра, она не завидует
и не хвалится, она не гордится, 5 не может быть грубой, она не ищет выгоды
себе, она не вспыльчива и не помнит зла. 6 Любовь не радуется неправде,
но радуется истине. 7 Она все покрывает, всему верит, всегда надеется, все
переносит.

1 Послание Коринфянам 13:1-7

3:16 Любовь мы узнали в том, что Иисус отдал за нас Свою жизнь. И мы тоже
должны быть готовы отдать жизнь за братьев. 17 Если человек, живущий в
достатке, видит своего брата в нужде и не пожалеет его, то как в нем может
быть Божья любовь? 18 Дети, давайте будем любить не только на словах,
языком, но и на деле, истинной любовью.

1 Послание Иоанна 3:16-18

4:16 Бог есть любовь…

1 Послание Иоанна 4:16

Мы привыкли воспринимать любовь как некое жаркое и пылкое чувство, которое «нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждёшь». Но в Христианстве любовь намного глубже, чем такое сиюминутное чувство. Клайв Стейплз Льюис, автор «Хроник Нарнии» пишет: «*Любовь не пылкое чувство, а упорное желание, чтобы тот, кого мы любим, обрел высшее благо*».

Любовь намного больше и глубже, чем мимолётное чувство влюблённости. Так Апостол Павел в знаменитом «Гимне любви» в тринадцатой главе своего Первого письма церкви в Коринфе описывает не столько чувства, что возникают в нашем сердце, когда мы кого-то любим, сколько действия – в чём на практике проявляется наша любовь. Так часто этот отрывок Священного Писания можно услышать во время венчания, но Павел пишет не только и даже не столько о любви мужчины и женщины. Он говорит о том, как Господь возлюбил нас и как теперь благодаря этому мы можем любить друг друга, может быть, не испытывая в тот момент влюблённости, но продолжая творить любовь, потому что мы так глубоко и горячо любимы Господом.

Рождество напоминает нам о том, что давным-давно эта любовь обрела кровь и плоть младенца Иисуса Христа. Но оно также говорит нам и о том, что настанет день, когда Христос вернётся и всё покорит под ноги этой совершенной вечной любви! Ведь «*Любовь не перестанет существовать никогда… Мы сейчас видим неясно, как отражение в тусклом зеркале, тогда же увидим лицом к лицу. Сейчас я знаю лишь отчасти, тогда же буду знать так же совершенно, как меня знает Бог. А сейчас существуют эти три: вера, надежда и любовь, но важнее из них – любовь*».

Счастливого вам Рождества и благословенного нового года!

ПОВОД ЗАДУМАТЬСЯ О ВЕЧНОМ

Мы привыкли к контрактным отношениям. Если нас любят, то за что-то. Если мы любим кого-то, то по весьма веским причинам. Поэтому так часто мы приходим к Богу исключительно на договорных условиях. Мы даём Ему то, что как нам кажется, Ему нужно – более или менее хорошее поведение, относительно регулярное посещение церкви, периодические всплески щедрости и благотворительности, ну и, конечно, редкие пожертвования, потому что все знают, что Богу от чего-то всегда не хватает денег. Взамен мы ожидаем рог изобилия благословений, счастья и умиротворения, потому что мы себя так хорошо вели весь предыдущий год. В условиях этого контракта есть определённое спокойствие, поскольку Бог не может нас попросить о чём угодно. «Что угодно» просто не включено в условия договора.

Но любовь ли это? Ведь в таких отношениях совсем нет страсти, той самой, что покоряет нас, завораживает нас, той самой, без которой и жизнь не жизнь. Господь любит нас горячо и страстно, страсть эта приводит Его на крест, и страсти этой Он ждёт и от нас. А потому перед всеми нами стоит простой выбор: «Принять эту страсть, чтобы жить в любви, или и дальше жить в страхе любить и быть любимым». Что удерживает вас сейчас? Примите эту любовь Христа, Его дар прощения грехов и вечной жизни! Расскажите об этом решении всем вашим друзьям, приняв таинство святого водного крещения.

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

СКАЗКА В СЕМИ РАССКАЗАХ

Перевод Анны и Петра Ганзен

ЗЕРКАЛО И ЕГО ОСКОЛКИ

Рассказ первый

Начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил-был тролль, злющий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей – уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов! Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же у кого на лице веснушка или родинка, она расплывалась во все лицо. Дьявола все это ужасно потешало. Добрая, благочестивая человеческая мысль отражалась в зеркале невообразимой гримасой, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля – у него была своя школа – рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

– Теперь только, – говорили они, – можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. Напоследок

захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и самим Творцом. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилось зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Но вот они поднялись еще, и вдруг зеркало так перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, еще больше бед, чем само зеркало. Некоторые из них были не больше песчинки, разлетелись по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть все навыворот или замечать в каждой вещи одни лишь дурные ее стороны, ведь каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось самое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалась в кусок льда. Были между этими осколками и большие, такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее! А злой тролль хохотал до колик: так приятно щекотал его успех его выдумки. Но по свету летало еще много осколков зеркала. Послушаем же!

МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА

Рассказ второй

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем и каждому удается отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка. Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра. Родители их жили в мансардах смежных домов. Кровли домов почти сходились, а под выступами кровель шло по водосточному желобу, приходившемуся как раз под окошком каждой мансарды. Стоило, таким образом, шагнуть из какого-нибудь окошка на желоб и можно было очутиться у окна соседей.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли коренья и небольшие кусты роз (в каждом по одному), осыпанные чудными цветами. Родителям пришло в голову поставить эти ящики поперек желобов -- таким образом, от одного окна к другому тянулись словно две цветочные рядки. Горох спускался из ящиков зелеными гирляндами, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями; образовалось нечто вроде триумфальных ворот из зелени и цветов. Так как ящики были очень высоки и дети твердо знали, что им нельзя карабкаться на них, то родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше в гости и сидеть на скамеечке под розами. И что за веселые игры устраивались у них тут!

Зимою это удовольствие прекращалось: окна зачастую покрывались ледяными узорами. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замерзшим стеклам -- сейчас же оттаивало чудесное кругленькое отверстие, а в него выглядывал веселый, ласковый глазок -- это смотрели каждый из своего окна мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться в гостях друг у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

– Это роятся белые пчелки! – сказала бабушка.

– А у них тоже есть королева? – спросил мальчик; он знал, что у настоящих пчел есть такая.

– Есть! – отвечала бабушка. -- Снежинки окружают ее густым роем, но она больше их всех и никогда не остается на земле -- вечно носится на черном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки; вот оттого-то они и покрываются ледяными узорами, словно цветами!

– Видели, видели! – сказали дети и поверили, что все это сущая правда.

– А Снежная королева не может войти сюда? – спросила девочка.

– Пусть-ка попробует! – сказал мальчик. – Я посажу ее на теплую печку, вот она и растает!

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был уже дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока, наконец, не превратилась в женщину, укутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звездочек. Она была так прелестна, так нежна -- вся из ослепительно-белого льда и все же живая! Глаза ее сверкали, как звезды, но в них не было ни теплоты, ни кротости. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный морозец, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна-красна. Солнышко светило, цветочные ящики опять были все в зелени, ласточки вили под крышей гнезда, окна растворили, и детям опять можно было сидеть в своем маленьком садике на крыше.

Розы цвели все лето восхитительно. Девочка выучила псалом, в котором тоже говорилось о розах; девочка пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Уж розы в долинах цветут,
Младенец-Христос с нами тут!

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на ясное солнышко и разговаривали с ним: им чудилось, что с него глядел на них сам младенец Христос. Что за чудное было лето и как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, должны были цвести вечно!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками – зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

– Ай! -- вскрикнул вдруг мальчик. – Мне кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

– Должно быть, выскочило! -- сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. В сердце и в глаз ему попали два осколка дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось еще ярче, дурные стороны каждой вещи выступали еще резче. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль в глазу и в сердце уже прошла, но самые осколки в них остались.

– О чем же ты плачешь? – спросил он Герду. – У! Какая ты теперь безобразная! Мне совсем не больно! Фу! – закричал он затем. – Эту розу точит червь! А та совсем кривая! Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он, толкнув ящик ногою, вырвал две розы.

– Кай, что ты делаешь? -- закричала девочка, а он, увидя ее испуг, вырвал еще одну и убежал от миленькой маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь бабушка, он придирался к словам. Да хоть бы одно это! А то он дошел до того, что стал передразнивать ее походку, надевать ее очки и подражать ее голосу! Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей -- он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

– Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему были осколки зеркала, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он передразнивал даже миленькую маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудреными. Раз зимою, когда перепархивал снежок, он явился с большим зажигательным стеклом и подставил под снег полу своей синей куртки.

– Погляди в стекло, Герда! -- сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле,

и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Чудо что такое!

– Видишь, как искусно сделано! -- сказал Кай. -- Это куда интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы они только не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!» – и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел человек, весь ушедший в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани объехали вокруг площади два раза; Кай живо привязал к ним свои санки и покатился. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, стемнело так, что кругом не было видно ни зги. Мальчик поспешил отпустить веревку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к большим саням и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал -- никто не услышал его! Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина – Снежная королева; и шуба, и шапка на ней были из снега.

– Славно проехались! -- сказала она. – Но ты совсем замерз. Полезай ко мне в шубу!

И, посадив мальчика к себе в сани, она завернула его в свою шубу; Кай словно опустился в снежный сугроб.

– Все еще мерзнешь? -- спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй ее был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрет, но, напротив, стало легче, он даже совсем перестал зябнуть.

– Мои санки! Не забудь моих санок! – спохватился он прежде всего о санках.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

– Больше я не буду целовать тебя! – сказала она. – А не то зацелую до смерти!

Кай взглянул на нее -- она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему головой; теперь она казалась ему совершенством. Он совсем не боялся ее и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он и в самом деле знает мало, и он устремил взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная королева взвилась с ним на темное свинцовое облако, и они понеслись. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озерами, над морями и твердой землей; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком черные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь – днем он спал у ног Снежной королевы.

ЦВЕТНИК ЖЕНЩИНЫ, УМЕВШЕЙ КОЛДОВАТЬ

Рассказ третий

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? И куда он девался? Никто не знал этого, никто не мог сообщить о нем ничего. Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много было пролито о нем слез; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что он умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнышко.

– Кай умер и больше не вернется! – сказала Герда.

– Не верю! – отвечал солнечный свет.

– Он умер и больше не вернется! – повторила она ласточкам.

– Не верим! – ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

– Надену-ка я свои новые красные башмачки: Кай ни разу еще не видал их, – сказала она однажды утром, -- да пойду к реке спросить про него.

Было еще очень рано; она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке.

– Правда, что ты взяла моего названого братца? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла

свои красные башмачки, первую свою драгоценность, и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу -- река как будто не хотела брать у девочки лучшую ее драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки не очень далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Лодка не была привязана и оттолкнулась от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на сушу, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла от берега на целый аршин и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее криков; воробьи же не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега да щебетали, словно желая ее утешить: «Мы здесь! Мы здесь!»

Лодку уносило все дальше; Герда сидела смирно, в одних чулках; красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли догнать ее.

Берега реки были очень красивы -- повсюду виднелись чудеснейшие цветы, высокие раскидистые деревья, луга, на которых паслись овцы и коровы, но нигде не было видно ни души человеческой.

«Может быть, река несет меня к Каю!» – подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами. Но вот она приплыла к большому вишневому саду, в котором приютился домик с цветными стеклами в окошках и соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им: она приняла их за живых, но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним еще ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала еще громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

– Ах ты, бедная крошка! – сказала старушка. – Как это ты попала на такую большую, быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула ее к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

– Ну, пойдем, да расскажи мне, кто ты и как сюда попала? – сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! гм!» Но вот девочка кончила и спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, верно, пройдет, так что девочке пока не о чем горевать – пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с

картинками и все умеют рассказывать сказки! Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных – красных, голубых и желтых – стеклышек; сообразно этому и сама комната была освещена каким-то удивительно ярким, радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и окружали свеженькое круглое, словно роза, личико девочки золотым сиянием.

– Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! – сказала старушка. – Вот увидишь, как ладно мы заживем с тобою!

И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названого братца Кая: старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда, при виде роз, вспомнит о своих, а там и о Кае, да и убежит от нее.

Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. У девочки глаза разбежались: тут были цветы всех родов и всех времен года. Что за красота, что за благоухание! Во всем свете не сыскать было книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишневыми деревьями. Тогда ее уложили в чудесную постельку с красными шелковыми перинками, набитыми голубыми фиалками; девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке. Так прошло много дней. Герда знала каждый цветочек в саду, но, как ни много их было, ей все-таки казалось, что какого-то недостает, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них была как раз роза -- старушка забыла ее стереть. Вот что значит рассеянность!

– Как! Тут нет роз? – сказала Герда и сейчас же побежала искать их по всему саду – нет ни одной!

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Теплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и, как только они смочили землю, куст мгновенно вырос из нее, такой же свежий, цветущий, как прежде. Герда обвила его ручонками, принялась целовать розы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у нее дома, а вместе с тем и о Кае.

– Как же я замешкалась! – сказала девочка. -- Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? – спросила она у роз. – Верите ли вы тому, что он умер и не вернется больше?

– Он не умер! – сказали розы. – Мы же были под землею, где все умершие, но Кая меж ними не было.

– Спасибо вам! – сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: «Не знаете ли вы, где Кай?»

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории; их наслушалась Герда много, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае.

Что же рассказала ей огненная лилия?

– Слышишь, как бьет барабан? Бум! бум! Звуки очень однообразны: бум! бум! Слушай же заунывное пение женщин! Слушай крики жрецов!.. В длинном красном одеянии стоит на костре индусская вдова. Пламя охватывает ее и тело ее умершего мужа, но она думает о нем живом -- о нем, чьи взоры жгли ее сердце сильнее пламени, которое сейчас испепелит ее тело. Разве пламя сердца может погаснуть в пламени костра?

– Ничего не понимаю! – сказала Герда.

– Это моя сказка! – отвечала огненная лилия. Что рассказал вьюнок?

– Узкая горная тропинка ведет к гордо возвышающемуся на скале старинному рыцарскому замку. Старые кирпичные стены густо увиты плющом. Листья его цепляются за балкон, а на балконе стоит прелестная девушка; она перевесилась через перила и смотрит на дорогу. Девушка свежее розы, воздушнее колеблемого ветром цветка яблони. Как шелестит ее шелковое платье! Неужели же он не придет?

– Ты говоришь про Кая? – спросила Герда.

– Я рассказываю свою сказку, свои грезы! – отвечал вьюнок. Что рассказал крошка подснежник?

– Между деревьями качается длинная доска -- это качели. На доске сидят две миленькие девочки; платьица на них белые как снег, а на шляпах развеваются длинные зеленые шелковые ленты. Братишка, постарше их, стоит позади сестер, держась за веревки сгибами локтей; в руках же у него: в одной -- маленькая чашечка с мыльной водой, в другой – глиняная трубочка. Он пускает пузыри, доска качается, пузыри разлетаются по воздуху, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Вот один повис на конце трубочки и колышется от дуновения ветра. Черненькая собачонка, легкая, как мыльный пузырь, встает на задние лапки, а передние кладет на доску, но доска взлетает кверху, собачонка падает, тяфкает и сердится. Дети поддразнивают ее, пузыри лопаются… Качающаяся доска, разлетающаяся по воздуху пена -- вот моя песенка!

– Она, может быть, и хороша, да ты говоришь все это таким печальным тоном! И опять ни слова о Кае!

Что скажут гиацинты?

– Жили-были три стройные воздушные красавицы сестрицы. На одной платье было красное, на другой – голубое, на третьей – совсем белое. Рука об руку танцевали они при ясном лунном свете у тихого озера. То не были эльфы, но настоящие девушки. В воздухе разлился сладкий аромат, и девушки скрылись в лесу. Вот аромат стал еще сильнее, еще слаще -- из чащи леса выплыли три гроба; в них лежали красавицы сестрицы, а вокруг них порхали, словно живые огоньки, светящиеся жучки. Спят ли девушки или умерли? Аромат цветов говорит, что умерли. Вечерний колокол звонит по усопшим!

– Вы навели на меня грусть! – сказала Герда. – Ваши колокольчики тоже пахнут так сильно!.. Теперь у меня из головы не идут умершие девушки! Ах, неужели и Кай умер? Но розы были под землей и говорят, что его нет там!

– Динг-данг! – зазвенели колокольчики гиацинтов. – Мы звоним не над Каем! Мы и не знаем его! Мы звоним свою собственную песенку; другой мы не знаем!

И Герда пошла к золотому одуванчику, сиявшему в блестящей зеленой траве.

– Ты, маленькое ясное солнышко! – сказала ему Герда. -- Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названого братца?

Одуванчик засиял еще ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

– Ранняя весна, на маленький дворик приветливо светит ясное Божье солнышко. Ласточки вьются возле белой стены, примыкающей ко двору соседей. Из зеленой травки выглядывают первые желтенькие цветочки, сверкающие на солнышке, словно золотые. На двор вышла посидеть старушка бабушка; вот пришла из гостей ее внучка, бедная служанка, и крепко целует старушку. Поцелуй девушки дороже золота – он идет прямо от сердца. Золото на ее губах, золото в сердечке, золото и на небе в утренний час! Вот и все! – сказал одуванчик.

– Бедная моя бабушка! – вздохнула Герда. -- Как она скучает обо мне, как горюет! Не меньше, чем горевала о Кае! Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и расспрашивать цветы: у них ничего не добьешься, они знают только свои песенки!

И она подвязала юбочку повыше, чтобы удобнее было бежать, но когда хотела перепрыгнуть через желтую лилию, та хлестнула ее по ногам. Герда остановилась, посмотрела на длинный цветок и спросила:

– Ты, может быть, знаешь что-нибудь? И она наклонилась к нему, ожидая ответа. Что же сказала желтая лилия?

– Я вижу себя самое! Я вижу себя самое! О, как я благоухаю!.. Высоко-высоко в маленькой каморке, под самой крышей, стоит полуодетая танцовщица. Она то балансирует на одной ножке, то опять твердо стоит на обеих и попирает ими весь свет, ведь она -- обман глаз. Вот она льет из чайника воду на какой-то белый кусок материи, который держит в руках. Это ее корсаж. Чистота -- лучшая красота! Белая юбочка висит на гвозде, вбитом в стену; юбка тоже выстирана водою из чайника и высушена на крыше! Вот девушка одевается и повязывает на шею ярко-желтый платочек, еще резче оттеняющий белизну платьица. Опять одна ножка взвивается в воздух! Гляди, как прямо она стоит на другой, точно цветок на своем стебельке! Я вижу самое себя, я вижу самое себя!

– Да мне мало до этого дела! – сказала Герда. – Нечего мне об этом и рассказывать!

И она побежала из сада.

Дверь была заперта лишь на задвижку; Герда дернула ржавый засов, он поддался, дверь отворилась, и девочка так босоножкой и пустилась бежать по дороге! Раза три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею. Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого и не было заметно!

– Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! – сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как болели ее бедные, усталые ножки! Как холодно, сыро было в воздухе! Листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым глядел весь белый свет!

ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА

Рассказ четвёртый

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; он долго-долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

– Кар-кар! Здрррравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету одна-одинешенька? Слова «одна-одинешенька» Герда поняла отлично и сразу почувствовала все их значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая?

Ворон задумчиво покачал головою и сказал:

– Может быть, может быть!

– Как? Правда? – воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

– Потише, потише! – сказал ворон. – Я думаю, что это был твой Кай! Но теперь он, верно, забыл тебя со своей принцессой!

– Разве он живет у принцессы?– спросила Герда.

– А вот послушай! -- сказал ворон. – Только мне ужасно трудно говорить по-вашему! Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

– Нет, этому меня не учили! – сказала Герда. – Бабушка, та понимает! Хорошо бы и мне уметь!

– Ну ничего! – сказал ворон. – Расскажу, как сумею, хоть и плохо. И он рассказал обо всем, что только сам знал.

– В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты в свете и уж позабыла все, что прочла, – вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне, – а веселья-то в этом немного, как говорят люди, – и напевала песенку: «Отчего ж бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» – подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать: это так скучно! И вот созвали барабанным боем всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Все это истинная правда! -- прибавил ворон. – У меня при дворе есть невеста, она ручная, – от нее-то я и знаю все это.

Невестою его была ворона.

– На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберет себе в мужья! Да, да! – повторил ворон. – Все это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою! Народ повалил во дворец валом, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию, всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только ее же последние слова, а ей вовсе не этого было нужно! Право, их всех точно опаивали дурманом! А выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей дворца тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам был там и видел! Женихам хотелось есть и пить, но из дворца им не

давали даже стакана воды. Правда, кто был поумнее, запасся бутербродами, но запасливые уж не делились с соседями, думая про себя: «Пусть себе поголодают, отощают – принцесса и не возьмет их!»

– Ну, а Кай-то, Кай? – спросила Герда. – Когда же он явился? И он пришел свататься?

– Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, ни в карете, ни верхом, а просто пешком, и прямо вошел во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

– Это Кай! -- обрадовалась Герда. – Так я нашла его! – И она захлопала в ладоши.

– За спиной у него была котомка! – продолжал ворон.

– Нет, это, верно, были его саночки! – сказала Герда. – Он ушел из дома с санками!

– Очень возможно! – сказал ворон. – Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головою и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы все были залиты светом; вельможи расхаживали без сапог, разнося золотые блюда: торжественнее уж нельзя было! А его сапоги так и скрипели, но он и этим не смущался.

– Это, наверно, Кай! – воскликнула Герда. – Я знаю, что на нем были новые сапоги! Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке!

– Да, они таки скрипели порядком! – продолжал ворон. – Но он смело подошел к принцессе; она сидела на жемчужине величиною с веретено, а кругом стояли придворные дамы и кавалеры со своими горничными, служанками горничных, камердинерами, слугами камердинеров и прислужником камердинерских слуг. Чем дальше кто стоял от принцессы и ближе к дверям, тем важнее, надменнее держал себя. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без страха -- такой он был важный!

– Вот страх-то! – сказала Герда. – А Кай все-таки женился на принцессе?

– Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, – так, по крайней мере, сказала мне моя невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришел не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже!

– Да, да, это Кай! – сказала Герда. – Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да еще с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

– Легко сказать, – отвечал ворон, – да как это сделать? Постой, я поговорю с

моею невестой – она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

– Меня впустят! – сказала Герда. – Только бы Кай услышал, что я тут, сейчас бы прибежал за мною!

– Подожди меня тут у решетки! – сказал ворон, тряхнул головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

– Кар, кар! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне – там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая – гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки попадешь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, усыпанным пожелтевшими осенними листьями, и, когда все огоньки в дворцовых окнах погасли один за другим, ворон провел девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и радостного нетерпения! Она точно собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, верно, здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы, улыбку… Как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз! А как обрадуется он теперь, когда увидит ее, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, узнает, как горевали о нем все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости.

Но вот они и на площадке лестницы; на шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

– Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! – сказала ручная ворона. – «Повесть вашей жизни», как это принято выражаться, также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямою дорогой – тут мы никого не встретим!

– А мне кажется, кто-то идет за нами! – сказала Герда, и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхом.

– Это сны! – сказала ручная ворона. – Они являются унести мысли высоких особ на охоту. Тем лучше для нас: удобнее будет рассмотреть спящих! Надеюсь, однако, что, войдя в честь, вы покажете, что у вас благодарное сердце!

– Есть о чем тут и говорить! Само собою разумеется! -- сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первую залу, всю обтянутую розовым атласом, затканным цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела

и рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой – просто оторопь брала. Наконец они дошли до спальни: потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая -- красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидала темно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову… Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для нее вороны…

– Ах ты, бедняжка! – сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гневаются на них – только пусть они не делают этого впредь, – и захотели даже наградить их.

– Хотите быть вольными птицами? – спросила принцесса. – Или желаете занять должность придворных ворон на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе – они подумали о старости – и сказали:

– Хорошо иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для нее сделать. А она сложила ручонки и подумала: «Как добры все люди и животные!» – закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они были похожи на Божьих ангелов и везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы! Все это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

МАЛЕНЬКАЯ РАЗБОЙНИЦА

Рассказ пятый

Вот Герда въехала в темный лес, но карета блестела, как солнце, и сразу бросилась в глаза разбойникам. Они не выдержали и налетели на нее с криками: «Золото! Золото!» – схватили лошадей под уздцы, убили маленьких жокеев, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

– Ишь какая славненькая, жирненькая! Орешками откормлена! – сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми нависшими бровями. -- Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

– Аи! – закричала она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своевольная, что любо!

– Ах ты, дрянная девчонка! – закричала мать, но убить Герду не успела.

– Она будет играть со мной! – сказала маленькая разбойница. – Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали:

– Ишь как скачет со своей девчонкой!

– Я хочу сесть в карету! – закричала маленькая разбойница и настояла на своем: она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

– Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя! Ты, верно, принцесса?

– Нет! – отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула головой и сказала:

– Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя, – я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую, мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка. Он весь был в огромных трещинах; из них вылетали вороны и вороны; откуда-то выскочили огромные бульдоги и смотрели так свирепо, точно хотели всех съесть, но лаять не лаяли -- это было запрещено.

Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь; дым поднимался к потолку и сам должен был искать себе выход; над огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

– Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца! – сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жердочках больше сотни голубей; все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, слегка зашевелились.

– Все мои! – сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. – На, поцелуй его! – крикнула

она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. – А вот тут сидят лесные плутишки! – продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянною решеткой. – Эти двое – лесные плутишки! Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина бяшка! – И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. – Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом – он смерть этого боится!

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

– Разве ты спишь с ножом? – спросила ее Герда, покосившись на острый нож.

– Всегда! – отвечала маленькая разбойница. – Как знать, что может случиться! Но расскажи мне еще раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету!

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали; маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды – в другой у нее был нож – и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют ее или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха разбойница кувыркалась. Страшно было глядеть на это бедной девочке.

Вдруг лесные голуби проворковали:

– Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, еще лежали в гнезде; она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих! Курр! Курр!

– Что вы говорите! – воскликнула Герда. – Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

– Она полетела, наверно, в Лапландию, ведь там вечный снег и лед! Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи!

– Да, там вечный снег и лед: чудо как хорошо! -- сказал северный олень. -- Там прыгаешь себе на воле по огромным блестящим ледяным равнинам! Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а постоянные ее чертоги у Северного полюса, на острове Шпицбергене!

– О Кай, мой милый Кай! -- вздохнула Герда.

– Лежи же смирно! -- сказала маленькая разбойница. – Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

– Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? – спросила она затем у

северного оленя.

– Кому же и знать, как не мне! – отвечал олень, и глаза его заблестели. – Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам!

– Так слушай! – сказала Герде маленькая разбойница. – Видишь, все наши ушли; дома одна мать; немного погодя она хлебнет из большой бутылки и вздремнет – тогда я кое-что сделаю для тебя!

Тут девочка вскочила с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

– Здравствуй, мой миленький козлик!

А мать надавала ей по носу щелчков, так что нос у девочки покраснел и посинел, но все это делалось любя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

– Еще долго-долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом! Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отнести ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку -- там ее названый братец. Ты, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а у тебя вечно ушки на макушке

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница подсадила на него Герду, крепко привязала ее ради осторожности и подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

– Так и быть, -- сказала она затем, – возьми назад свои меховые сапожки – будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша! Но мерзнуть я тебе не дам: вот огромные матушкины рукавицы, они дойдут тебе до самых локтей! Сунь в них руки! Ну вот, теперь руками ты похожа на мою безобразную матушку!

Герда плакала от радости.

– Терпеть не могу, когда хнычут! – сказала маленькая разбойница. – Теперь тебе надо смотреть весело! Вот тебе еще два хлеба и окорок! Что? Небось не будешь голодать!

И то и другое было привязано к оленю. Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которою был привязан олень, и сказала ему:

– Ну, живо! Да береги, смотри, девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки, по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали, а небо вдруг зафукало и выбросило столбы огня.

– Вот мое родное северное сияние! – сказал олень. – Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот Герда очутилась в Лапландии.

ЛАПЛАНДКА И ФИННКА

Рассказ шестой

Олень остановился у жалкой избушки; крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в нее на четвереньках. Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную -- она казалась ему гораздо важнее. Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

– Ах вы, бедняги! – сказала лапландка. – Долгий же вам еще предстоит путь! Придется сделать сто миль слишком, пока доберетесь до Финляндии, где Снежная королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу пару слов на сушеной треске – бумаги у меня нет, а вы снесете ее финике, которая живет в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала пару слов на сушеной треске, велела Герде хорошенько беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался. Небо опять фукало и выбрасывало столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой до Финляндии и постучался в дымовую трубу финики – у нее и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в ее жилье! Сама финика, низенькая, грязная женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды все платье, рукавицы и сапоги, иначе девочке было бы чересчур жарко, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушеной треске. Она прочла все от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в суповой котел, ведь рыба еще годилась в пищу, а у финики ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финика мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

– Ты такая мудрая женщина! – сказал олень. – Я знаю, что ты можешь связать одной ниткой все четыре ветра; когда шкипер развяжет один, подует попутный ветер, развяжет другой -- погода разыграется, а развяжет третий и четвертый – поднимется такая буря, что поломает в щепки деревья. Не изготовишь ли ты для девочки такого питья, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

– Силу двенадцати богатырей! – сказала финика. – Да много ли в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нем стояли какие-то удивительные письмена; финика принялась читать их и читала до того, что ее пот прошиб.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финику такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, переменяя ему на голове лед, шепнула:

– Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему -- осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе он никогда не будет человеком и Снежная королева сохранит над ним свою власть.

– Но не поможешь ли ты Герде как-нибудь уничтожить эту власть?

– Сильнее, чем она есть, я не могу ее и сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди, и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Не у нас занимать ей силу! Сила – в ее милом невинном детском сердечке. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно!

С этими словами финика подсадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

– Ай, я без теплых сапог! Ай, я без рукавиц! – закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами; тут он спустил девочку, поцеловал ее в самые губы, и из глаз его покатились крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна-одинешенька на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперед что было мочи; навстречу ей несся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба – небо было совсем ясное, и на нем пылало северное сияние – нет, они бежали по земле прямо на Герду и, по мере приближения, становились все крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под зажигательным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, самых удивительных видов и форм, и все живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие – стоголовых змей, третьи – толстых медвежат с взъерошенною шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда принялась читать «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие светлые ангелочки, которые,

ступив на землю, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах и копьями и щитами в руках. Число их все прибывало, и, когда Герда окончила молитву, вокруг нее образовался уже целый легион. Ангелы приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячу кусков. Герда могла теперь смело идти вперед: ангелы гладили ее руки и ноги, и ей не было уже так холодно. Наконец девочка добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она готова войти к нему.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЧЕРТОГАХ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ

Рассказ седьмой

Стены чертогов Снежной королевы создала метель, окна и двери были проделаны буйными ветрами. Сотни огромных, освещенных северным сиянием зал тянулись одна за другой; самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда! Хоть бы редкий раз устроилась медвежья вечеринка, с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и уменьем ходить на задних лапах белые медведи, или составилась партия в карты, со ссорами и дракою, или, наконец, сошлись на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки лисички – нет, никогда и ничего! Холодно, пустынно, мертво! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро. Лед треснул на нем на тысячи кусков, на диво ровных и правильных: один, как другой. Посреди озера стоял трон Снежной королевы; на нем она восседала, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по ее мнению, это было единственное и лучшее зеркало в свете.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого: поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и само сердце его было куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть такая игра -- складыванье фигур из деревянных дощечек, которая называется китайскою головоломкой. Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, но из льдин, и это называлось ледяной игрой разума. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их – занятием первой важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала! Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось: слова «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам

себе господином, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

– Теперь я полечу в теплые края! – сказала Снежная королева. -- Загляну в черные котлы!

Котлами она называла кратеры огнедышащих гор -- Везувия и Этны.

– Я побелю их немножко! Это хорошо после лимонов и винограда! И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и все думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замерз.

В это-то время в огромные ворота, проделанные буйными ветрами, входила Герда. Она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись, точно заснули. Она свободно вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидала Кая. Девочка сейчас же узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

– Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Уж розы в долинах цветут,
Младенец Христос с нами тут!

Кай вдруг залился слезами и плакал так долго и так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался.

– Герда! Милая моя Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? – И он оглянулся вокруг. – Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева; сложив его, он мог сделаться сам себе господином, да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами, поцеловала его в глаза, и они заблистали, как ее; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым. Снежная королева могла вернуться когда угодно: его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из пустынных ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о своих розах, и на пути их стихали буйные ветры, проглядывало солнышко. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень. Он привел с собою молодую оленью матку; вымя ее было полно молока; она напоила им Кая и Герду и поцеловала их

прямо в губы. Затем Кай и Герда отправились сначала к финике, отогрелись у нее и узнали дорогу домой, а потом – к лапландке; та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Оленья парочка тоже провожала молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с оленями и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетами за поясом. Герда сразу узнала и лошадь – она была когда-то впряжена в золотую карету – и девушку. Это была маленькая разбойница: ей наскучило жить дома, и она захотела побывать на севере, а если там не понравится -- ив других частях света. Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

– Ишь ты, бродяга! – сказала она Каю. – Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда потрепала ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

– Они уехали в чужие края! – отвечала молодая разбойница.

– А ворон с вороной? – спросила Герда.

– Лесной ворон умер, ручная ворона осталась вдовой, ходит с черной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всем.

– Ну, вот и сказке конец! – сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город. Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда своей. Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного городка. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: так же тикали часы, так же двигалась часовая стрелка. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что успели за это время сделаться взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжелый сон. Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: «Если не будете, как дети, не войдете в царствие небесное!»

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Уж розы в долинах цветут,
Младенец Христос с нами тут

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло теплое, благодатное лето!